

Генри Т. Лоренси ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

1 ЭКЗОТЕРИЧЕСКОЕ МИРО- И ЖИЗНЕВОЗЗРЕНИЕ

1.1 ВОЛЯ К ЕДИНСТВУ

¹Индивидуалистская воля к власти ведет к разделению. Универсалистская воля к единству показывает ценность и жизнеспособность нашего индивидуализма.

²Когда мировоззрения и жизневоззрения разбиваются, как и многое другое, которое казалось нам определенным и надежным, лопаются, как те мыльные пузыри, которыми они являются, но которые нам всегда трудно признать, тогда чувство солидарности и потребность в единстве становятся жизненно важными факторами.

³Воля к единству – это не воля к единообразию, не стандартизация к роботизму. Воля к единству не борется ни с другими взглядами, ни с инакомыслящими. Она настолько разумна, что ей не нужно бояться критики. Она оставляет в покое вымысел каждого, ибо знает, как найти единство в многообразии. Индивид имеет естественное право существовать, отличаться от всех остальных, быть индивидом с индивидуальностью. В самом глубоком смысле свобода – это индивидуальность. Без свободы нет своеобразия, нет доверия к себе, нет самоопределения, нет развития. Воля к единству – это самая сильная защита свободы, ибо эта воля должна быть построена на свободе как ее основе. Истинное единство не может быть навязано и никогда не может быть завоевано за счет свободы. Воля к единству несравнимо выше любого психоза, который временно объединяет всех. Она не нуждается ни в принуждении, ни в силе, ибо это нерушимое чувство сопричастности и солидарности, доказанное в действии. Воля к единству делает народ настолько сильным и великим насколько это возможно. Каждая часть, даже самая маленькая, народа – это часть целого, целая часть целого. Воля к единству порождает целую и гигантскую силу для внешнего единства; силу, отличную от любого диктаторского принуждения, которое всегда несет в себе семя разделения. Угнетение не воспитывает никакой воли к единству и никакой веры в способность угнетателя выполнить свои райские обещания.

⁴Жизнь не должна быть борьбой. Борьба может быть фактором развития для низших форм жизни. Но на более высоких стадиях развития борьба – неразумность. Даже соревнование – сублимация стремления к борьбе – было вытеснено сотрудничеством. Борьба никак не может быть связана с культурой. Там, где идет борьба, культура отсутствует; технический прогресс может быть сколь угодно велик. Разум в конце концов научается признавать, что закон джунглей, война всех против всех, принадлежит джунглям. Жизнь, рассматриваемая как совокупность, – это великий коллектив, отдельные единицы которого, достигнув уровня развития здравого смысла, объединятся в совместном стремлении достичь все более ясного сознания от невежества и бессилия, обрести свободу и силу, присущие пониманию.

⁵Также политические партии показывают важность солидарности. Но солидарность внутри определенной партии, внутри определенного социального класса всегда ведет к разобщению внутри сообщества. Целое было разделено и распадается все больше. Забывается, что классовые интересы оправданы только тогда и до тех пор, пока они подчинены целому.

⁶Устранить все разделяющее и прийти к согласию по всему, о чем можно согласиться, – и это во всех областях – есть первый шаг к цели единства, есть первое условие соединения всех индивидов, всех партий в то неразрушимое единство, которое может осуществить воля к единству.

⁷Воля к единству – это, пожалуй, не единственный способ решения общественных и экономических проблем. Но это самый лучший, самый простой, самый верный и, возможно, необходимый путь. Если большинство начнет сомневаться в возможности достижения результата на добровольной основе, то оно попытается добиться его другим, худшим способом. Воля к единству – это единственная разумная основа и единственная прочная в долгосрочной перспективе основа общества и культуры. Эта идея является основной идеей этой книги.

⁸Воля к единству – это не в последнюю очередь воля к национальной культуре. Такая культура должна возникать из того совместного доверия к себе и самоопределения, которые воля к единству порождает в народе.

⁹Чтобы создать культуру, человек должен сначала найти Человека. Культура невозможна до тех пор, пока он не будет открыт. Ибо человек всегда является мерилom культуры. Человек сам создает свою культуру. Никто другой не оказывает ему такой услуги. Там, где человека естественно не уважают как человека – потому что он выше всего остального, – там отсутствует человечность, отсутствуют условия человечности, а значит, отсутствуют условия культуры.

¹⁰Каждый имеет право на свою долю, но не на большее. Требование большего приводит к тому, что другие вынуждены обходиться без своей необходимой доли. Индивидуальная ненасытность противодействует стремлению к единству. Когда никто не требует больше своей доли, тогда все остальные тоже получают свою долю. Конечно, это не означает, что все доли одинаково велики, ибо задачи не одинаково велики. Когда каждый получает свою долю, тогда достигнута стадия материальной культуры.

¹¹Стадия эмоциональной культуры достигнута, когда все служат, и никто не чувствует себя хозяином. Когда каждый служит чему-то высшему, чему-то за пределами себя, чему-то для нескольких, для многих, для всех вместе, тогда наступает та гармония, которая является выражением культурной эмоции. Нынешние интеллектуальные возможности человека переоценены, а его эмоциональные недооценены и находятся в пренебрежении. Гораздо легче реализовать эмоциональную культуру с чувством единства как своей высшей ценностью.

¹²Мы будем иметь общественную культуру, когда отдельные люди почувствуют, что они существуют для общества, а общество чувствует, что оно существует для отдельного человека; когда каждый считает служение своей главной задачей.

¹³Предпосылкой стадии интеллектуальной культуры является рациональное и непротиворечивое миро- и жизневоззрение, свободное от догм и ставшее доступным для всех. Это предполагает наличие системы образования, которая развивает рассудительность.

¹⁴Эмоциональная и ментальная культура – это те виды культуры, которые наиболее важны для реализации единства. Материальная культура последует как нечто само собой разумеющееся, когда добрая воля к взаимопомощи станет высшей ценностью и нормой.

¹⁵Ментальная культура предполагает ментальное доверие к себе и ментальное самоопределение. Интеллектуальная самостоятельность предполагает способность критически просеять тот материал, который нам дала культура, оценить вид надежности и степень вероятности тех идей, которые мы находим.

¹⁶Школа прививает определенные навыки – например, знание языков, – которые предназначены для того, чтобы дать возможность получить истинное образование или знание фактов. Для слишком многих людей сам навык – это то же самое, что и образование: умение выражать свое мнение обо всем и судить обо всем, что вы случайно подхватили, с лишь внешней видимостью знания фактов, то есть умение, противоположное надежности. При выходе из школы молодые люди, которых объявляют

зрелыми, оказываются скорее дезориентированными, невежественными в жизни, неспособными самостоятельно чувствовать и объективно судить. Их самодеятельность была затруднена перегрузкой их памяти несущественными элементами – этой памятью, которая должна была поглощать только знание законов, принципов и методов, а не детали, наличные в легкодоступных справочниках. Истинная цель школы – воспитание рассудительности. Целью разумного воспитания и образования является братство.

¹⁷Здравый смысл – это критический разум, высший разум каждого человека. Здравый смысл релятивизирует, стремится к объективности, исправляет себя, почти никогда не высказывает окончательных мнений и не основывает мнения на неполных фактах и недостаточном опыте.

¹⁸Чулан для утиля истории идей забит суевериями, которые когда-то назывались истиной. Мир по-прежнему представляет собой хаос бесчисленных идеологий, основанных на фикциях и иллюзиях. Неудивительно, что человек, узнавший их досконально, в конце концов становится скептиком.

¹⁹Системы верований строятся на эмоциональном убеждении, возведенном в абсолют. Системы спекуляций оказываются несостоятельными при критическом рассмотрении. И оба вида систем вступают в конфликт с фактами реальности.

²⁰Знание реальности – это единственная основа, твердая как скала, мировоззрения и жизневоззрения. Естествознание нанесло на карту лишь часть реальности, это правда. Но ему удалось ясно показать, что все, что противоречит фактам действительности, не может претендовать на то, чтобы называться истиной.

²¹Многие люди считают безнадежной задачей поиск объединяющей связи во всех культурных явлениях, находящихся в состоянии распада, противоречащих друг другу в разобщенности или блуждающих в неопределенности. Достичь ее невозможно без совместного стремления, воли к единству, хотя то, что разделяет людей, почти всегда несущественно как в эмоциональном, так и в ментальном отношении. Мы должны научиться не концентрироваться на том, что разделяет, а направлять свое внимание на то, что объединяет, и рассматривать все, что разделяет, как несущественное.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

1.2 ЧЕЛОВЕК, КАК ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО

¹На своей нынешней стадии развития человек является эмоциональным существом с возможностью прерывистого использования своего еще неразвитого разума.

²Если исключить чувственные восприятия, то можно сказать, что эмоциональность включает в себя все психологическое, что не относится к чисто рациональному, а чисто рациональное не охватывает многого. Наше сознание сосредоточено на эмоциональности, которая окрашивает как чувственные восприятия, так и мысли. Время от времени сознание совершает временный экскурс в сферу неэмоционального мышления, когда мы отключаем все, что может быть эмоционализировано, все, что касается наших желаний и потребностей, все, что входит в то, что является «личным».

³Эмоция не имеет меры. Она абсолютизирует и субъективно суверенна. Эмоция требует определенности, хочет чего-то непоколебимо твердого и определенного, «даже если небо и земля погибнут», превращает относительное в абсолютное, вероятности – в абсолютные истины.

⁴В борьбе между эмоцией и разумом побеждает эмоция, поскольку она воспринимается как абсолютная и поскольку разум признает относительность своего содержания. Эмоция диктует большинство мнений. То, что идея побеждает, не является доказательством ее рациональности, правильности или жизнеспособности, но слишком часто является доказательством ее эмоциональной пригодности.

⁵Эмоциональное мышление имитирует все, что находит симпатичным, и копирует рассуждения, привлекательные для эмоций. С объективной точки зрения эмоциональное мышление не критично и неразлично и имеет особую склонность прибегать к фикциям, недоступным рациональной критике. Эмоциональное мышление определяет выбор авторитетов, выбор особо важных точек зрения и позиций, выбор мировоззрения и жизневоззрения. Эмоциональное мышление реагирует против любого вида критики, как будто понимая, что прочность его преимущественно эмоциональных представлений будет разрушена объективным анализом в долгосрочной перспективе.

⁶То, что догму трудно искоренить, зависит от того, что она вплетена в эмоциональные комплексы. Таким образом, она стала потребностью. Эмоция должна обладать несокрушимой уверенностью. Разрушение догм ведет к растворению соответствующих комплексов, а тем самым и к эмоциональному хаосу, который для многих людей болезнен и трудно преодолеваем.

⁷То, что искусство формулирования относится к области эмоционального мышления, ясно видно из власти соответствующих эмоций над мыслью, из романтики и атмосферы, создаваемой выбором слов, блеском формы, который разжигает воображение, из внушающей силы лозунгов, с помощью которых можно вызвать эмоциональное опьянение или психоз.

⁸Эмоция господствует не только над мыслью, но и над волей. Человек хочет того, что решает его эмоция, чтобы он должен был хотеть. Сущность того хотения, которое направляет нашу деятельность, – это аффекты или, выражаясь более современными терминами, витализированные эмоциональные комплексы. Действие определяется его сильнейшим мотивом, а самые сильные мотивы – это эмоциональные факторы.

⁹Четыре темперамента – холерический, меланхолический, сангвинический и флегматичный – влияют на наше эмоциональное мышление, а также на наше эмоциональное хотение и являются видимым выражением наших способов эмоциональной реакции. Если эмоция отсутствует, действие легко откладывается. Разум колеблется между различными точками зрения, если он не осознает необходимости немедленного действия. Поскольку большинство точек зрения в определенной степени кажутся произвольными, разум медлит, пока не вмешается эмоция и не примет решение.

¹⁰Понимая это огромное значение эмоции для мышления и хотения, мы понимаем значение эмоциональной культуры. Эмоциональная культура – это сущность всей культуры. Без эмоциональной культуры «культуры» уничтожат себя и друг друга, и человечество никогда не достигнет истинной и преимущественно ментальной культуры, которая когда-нибудь сделает людей разумными существами.

¹¹Четыре наиболее важных фактора в области эмоциональной культуры будут критически рассмотрены ниже. Только беспристрастно изучив их, мы можем надеяться увидеть достаточно ясно, чтобы в совместной работе постепенно устранить недостатки.

1.3 РЕЛИГИЯ

¹Задача религии – облегчить бремя жизни, а не сделать его еще тяжелее.

²Задача религии – облагородить человека и тем самым дать ему радость, мир и гармонию.

³Задача религии – не издавать заповеди или запрещения, а облагородить и укрепить чувства, чтобы сделать все заповеди излишними.

⁴Задача религии – не смягчить гнев какого-либо космического существа, а соединить нас с нашими братьями братскими узами.

⁵Задача религии, следовательно, – облагородить наши чувства, проповедовать братство и практиковать служение.

1.4 Сущность религии

¹В сущности религия – это чувство. Это инстинктивное и спонтанное чувство жизни – без рациональных представлений и теоретических построений – с безотчетной, естественной уверенностью в неразрывном и неизбежном единстве всей жизни, желанием и стремлением участвовать в этом единстве. Это чувство жизни содержит в себе: уверенность в жизни, доверие к жизни, убеждение в жизни, мужество в жизни, радость жизни и волю к жизни.

²Это чувство жизни есть также потребность и все более сознательное стремление к облагораживанию всех чувств, поддающихся облагораживанию. Это потребность любить и восхищаться, почитать и поклоняться всему, что есть и возможно. Чувство единства нигде не проявляется так сильно, как в истинной религии. Это чувство единства, наполняющее человека, поглощенного преданностью, всеискупающем миром, простирается не только к невидимому, но содержит и охватывает все, даже самых злейших врагов.

³Там, где этому чувству единства позволено выражаться, где оно воспитывается и поощряется вместо того, чтобы подавляться, где этому единству позволено реализовываться без помех, мы находим те живые образы, которых мы спонтанно называем реальными людьми.

⁴В своей собственной сфере чувство есть как воля, так и сила и реальность. Спонтанность и определенность чувства разрушаются, когда оно разделяется против самого себя. Чтобы разум мог причинить вред чувству или победить его, необходимо, чтобы чувство выступало на стороне разума против другого чувства, чтобы чувство считало себя нуждающимся в поддержке разума и искало ее. Если чувство, взывающее к разуму, связано с понятиями, которые в конечном счете оказываются несостоятельными, то это чувство теряет свою опору и растрачивается впустую.

⁵Религия – это чувство, и это чувство является движущей силой в действиях служения.

1.5 Религиозный мистицизм

¹Сознание, вероятно, не ограничено нашими «пятью чувствами», но имеет, может быть, неограниченные возможности бессознательного контакта с огромным рядом вибраций из вселенной, которая в основном еще не исследована. Если бы мы могли воспринимать и толковать все космические вибрации, пронизывающие наше собственное тело, то возможно, что мы были бы всеведущими.

²Христианский мистицизм, исламский суфизм и индуистская бхакти-йога – это разные пути к тому мистическому опыту, который в состояниях, недоступных интроспективному анализу, обрел наивысшие состояния. Из-за опасности самообмана эти предрасположенности должны быть уравновешены специальной тренировкой в здравом смысле со строгим требованием целесообразности. Истинный мистик всегда был редким явлением и кажется стать еще более редок. Для посторонних людей он характеризуется тем чувством единства всей жизни, тем стремлением к единению с жизнью, тем погружением в единство – которое не следует путать с квиетизмом, парализующим мысль, чувство и волю – типичным примером которого является индеец Рамакришна, изображенный в ряде биографий.

1.6 Религиозные интеллектуальные построения

¹Еще не было возможности сделать какую-либо систему мышления неизменной. Рассматриваемые исторически, системы мышления состоят каждая из ряда систем; таким образом, они являются реконструкциями.

²Истинная религия не является делом разума и почти не имеет отношения к теориям. Задача религии не в том, чтобы дать нам миро- и жизневоззрение. Религиозная

догматика – это ни религия ни разумное мировоззрение. Она вредит религии.

³Представление, не имеющее соответствия в реальности, является фикцией. Если разум берет фикцию на себя, то фикция будет постоянно приспосабливаться через новые определения после увеличения опыта. Если чувство, требующее неизменности, берет фикцию на себя, то фикция превращается в догму. Если религиозное чувство связано с несостоятельными рациональными построениями, то вред наносится и тем, и другим. Сомнение у индивида, раздор между индивидами, расколы, приводящие к появлению все новых сект, – вот неизбежные последствия. Когда догма разрушается, вся эмоциональная жизнь потрясается. Многие люди тогда охвачены паникой и видят себя бредущими по бездонному болоту.

⁴То, что религия может обходиться без догматов, доказывается буддизмом, терпимость которого является следствием этого. Буддийский «синод» сформулировал в качестве своего первого тезиса: «То, что противоречит здравому смыслу, не может быть согласовано с учением Будды.» Если бы христианский собор принял подобный тезис, то значительная часть несчастного человеческого рода была бы избавлена от ужасных страданий, бесконечных споров и бесконечных сомнений.

⁵Религиозные догмы никого не улучшают. Именно облагораживание чувств приводит к улучшениям. Культивирование благородных чувств, таких как восхищение, привязанность, сочувствие, совершенно иным образом способствовало бы возвышению человечества. Разорение религиозного чувства лучше, чем что-либо другое, свидетельствует о вреде, причиняемом соединением религии с несостоятельными взглядами.

⁶Вера не принадлежит к сущности религии. Это лучше всего видно из того, что Будда настойчиво предупреждал всех своих учеников не верить (не принимать слепо). Вопрос заключается в том, не имел ли ввиду Иешу под «верой» волю, хотя вера из значения воли была искажена так, что сначала означала доверие, а затем слепое принятие или иррациональное убеждение.

⁷Библейская критика пугает многих людей. Но тот, кто сомневается в том, что вопрос Пилата – «Что такое истина?» – это слово божие, он уже практикует критику Библии. Если каждое слово Ветхого Завета есть слово божие, то иудаизм столь же непогрешим и божественен, как и христианство. Вопрос заключается в том, не утратили ли также и евреи ключ к своему Завету, став западниками и буквалистами вместо того, чтобы быть восточниками и символистами.

⁸Слова, которые люди могут понять, – это слова людей, а не слова космического существа. Бог не проповедует никакой истины и не защищает истину от фальсификации и обмана. Человеку дан разум чтобы он использовал его, чтобы он мог сам искать и сам находить истину.

⁹Религиозная догматика, как правило, страдает от трех ложных представлений: ошибочного понятия бога, ошибочного понятия греха и ошибочного понятия искупления.

¹⁰Представление о боге постоянно менялось на протяжении веков. Оно, как и все другие религиозные представления, всегда будет предметом споров. Но тогда безосновательные представления являются излишними для религии, обладающей психологическим пониманием.

¹¹Наше представление о боге должно быть ложным, пока человека еще распинают, оскорбляют и презирают. Конечно, наше представление о боге никак не влияет на возможное существование космического существа. Дикари обожают дух созданных ими идолов, а несколько менее примитивные умы обожают дух созданных ими представлений.

¹²Когда представление о боге будет сублимировано в идею, – столь непривлекательную для тех, кто убаюкан верой в произвольную благодать – всеобщего причинного закона, который также имеет силу психологическую, закона посева и жатвы, на неиз-

бежность которого намекал Иешу, тогда эта идея достигнет своего высшего разумного выражения. Высшим выражением чувства божественности является объединяющее всемогущество любви.

¹³ Кто не совершенен, как бог, кто не подобен богу, кто, следовательно, не есть бог, тот считается «грешником». Человек, то есть нечто относительное, должен быть богом или абсолютным, иначе он осужден на вечность.

¹⁴ Привитие представления о грехе, которое было истинным «грехопадением», и заражение человечества тем неразумным комплексом неизбежного и невыносимого бремени греха, тем комплексом, который препятствует жизни и способствует ненависти, – это самое гнусное преступление – достойное дьявола – которое когда-либо совершалось над человечеством. Зарубежные миссии распространяют доктрины греха и вечного наказания.

¹⁵ Конечно, вскоре они поняли, что это невыносимое бремя греха должно быть каким-то образом снято. Для этого в различных религиях есть наемные уполномоченные, у которых есть свои особые приемы. Христианство – нечто совершенно отличное от учения Христа – сделало веру в неразумное и непостижимое условием отпущения грехов.

¹⁶ Согласно учению церкви, «грех есть преступление, совершенное против бесконечного существа, и потому требует бесконечного наказания». Вполне естественно, что они пытались объяснить идею о том, что это бесконечное существо может быть бесконечной любовью, может бесконечно прощать и не ненавидеть вечно жертв невежества и неспособности. Согласно здравому смыслу, «грех» скорее был бы преступлением, совершенным против других и явно признанным виновным лицом, либо препятствием для своего собственного развития, созданным человеком. Такой грешник нуждается в психиатрическом лечении. Когда «грех» будет тем, что отделяет человека – не от космического существа, – а от другого человека, кем бы он ни был, тогда мы станем очеловеченными. Тогда мы начнем открывать то, что еще не открыто, а именно Человека. Истинная культура проявляется в том, что она примиряет человека с его собратьями. Однако это, по-видимому, самое трудное из всех.

¹⁷ Представление об искуплении столь же абсурдно. Однако проблеск здравого смысла сумел проникнуть сквозь эту тьму неразумия: «Бог не есть гнев. Ни в Ветхом, ни в Новом Завете нет такого места, которое делало бы Бога объектом искупления, тем, кто должен быть искуплен. Напротив, Бог – это субъект искупления, тот, от кого исходит искупление. Именно человек приходит в ярость от кажущихся беззаконий жизни и уходит от Бога в своей ненависти. Не Бог должен примириться с человеком, но человек с Богом.»

¹⁸ Стремление человека к единству с жизнью воспринимало – как у мистиков – всегда и везде реальность этого единства.

1.7 МОРАЛЬ

¹ Ни одно представление не является столь расплывчатым, неопределенным и многозначным, ни одно повседневное слово не является столь злоупотребленным, как мораль. Человек просто знает, что это «непогрешимый абсолют», который всегда достаточно хорош в качестве оружия. Но для того, чтобы быть эффективным в качестве орудия убийства, он действительно должен быть настолько непонятным, насколько это возможно.

² За каждым новым жизневоззрением следует новый взгляд на мораль с новыми правилами поведения и новыми ценностями, установленными в соответствии с новыми основами для оценки. Эти правила и ценности выживают еще долгое время после того, как жизневоззрения и основа для оценки были отброшены. Они медленно устраняются

случайным образом, это правда, но всегда будет существовать какая-то условность, которую никто не может объяснить и которая кажется таинственной и неоспоримой. Не было бы такого невежества относительно того, что такое «мораль», если бы существовал спрос на нее.

³Пытались спасти мораль многими способами. Абсолютные заповеди, абсолютные условности, абсолютные правила поведения, абсолютные мотивы, абсолютные нормы оценки и голос совести – все это было тщетно испробовано. Однако ни одна философская система морали не выдержала рациональной критики.

⁴Когда употребляли слово мораль как фикцию при всяких возможных смыслах, то наконец никто уже не знал, что означает это слово. Через это злоупотребление слово приобрело вид святости, сверхъестественной тайны. Время от времени они устраивают призовые соревнования по морали. Затуманенные всем этим обманом понятий, совершенным с помощью фикции, они тщетно ищут разумного объяснения. Не существует никакой разумной моральной науки, а только история моральных построений.

⁵Для среднего человека мораль – это то, что одобряется, а аморальность – то, что не одобряется другими людьми. Оценки других людей – это основа оценки среднего человека. Страх быть непохожим на других людей и, следовательно, быть предметом презрения и преследования со стороны неразборчивых в результате этого – вот моральный мотив среднего человека.

1.8 Традиции

¹Традиции должны быть разумными и последовательными. Они часто неразумными и взаимно противоречивы.

²Традиции должны иметь научную основу в физиологическом, психологическом и социальном отношении. Часто они являются откровенным издевательством над всем научным.

³Традиции должны быть гуманными и позволять человеку ту свободу, на которую он может претендовать и на которую он имеет право. Они часто бывают жестокими и вредными для человека.

⁴Традиции должны помогать людям жить. В каком-то отношении они почти всегда враждебны жизни.

⁵Традиции должны быть излишними. Законы сообщества должны быть достаточно нормативными. Условности действительно были бы излишни, если бы люди не были такими «условными», неуверенными в себе, лишенными вкуса, такта и рассудительности.

⁶Традиции должны быть доступны для тех, кто без них беспомощен. Возможно, когда-нибудь в будущем будут составлены международные соглашения о хороших манерах. Как и сейчас, каждая страна и часть страны имеет свои обычаи, манеры и предписания относительно того, что можно делать и как, а что нельзя делать.

⁷Те, кто желает практиковать определенные условности, должны объединиться в ордена для поклонников традиций, где они могли бы встречаться с людьми сходного ума и примерно одного интеллектуального и культурного уровня.

1.9 Правила поведения

¹Никакое правило не должно применяться без разбора в любое время, в любом случае и в любом месте. Правило поведения предполагает наличие у действующего человека трех способностей: способности к анализу, рассуждению и применению как правила, так и случая. Чаще всего эти способности отсутствуют, а если и существуют, то редко используются. Условия моральных правил абсурдны. Правильное поведение предполагает всеведение. Кроме того, они непсихологические. Мы действуем авто-

матически, инстинктивно и привычно. Цель определяет поведение.

²Правило поведения – это теория для сконструированных случаев. Но в реальной жизни такие случаются крайне редко. В момент действия – только тогда все факторы для суждения доступны, если они вообще когда-либо становятся такими – часто оказывается, что никакое правило не применимо. Сама жизнь доводит все правила до абсурда. Никакая максима не может быть сделана общим законом, потому что никакая максима не может быть применена во всех обстоятельствах. Всегда возникали бы ситуации, в которых ее применение было бы абсурдным.

³С помощью таблицы обязательных правил умный человек скоро вообще перестал бы действовать. Узколобому, который не сможет осознать в этом тех трудностей, которые почти равносильны невозможности, и кто не сможет понять огромную важность приспособления, потребуются сильный мотив, так или иначе обращающийся к его эгоизму: тщеславие, страх, надежда на вознаграждение и т. д. Другими словами, он был бы бескорыстен из эгоистических побуждений.

⁴Правило освобождает индивида от ответственности. Кто сможет обвинить любого, кто соблюдал моральное правило, если правила и суждения допустимы? «Он был одинаково уважаем и бесчеловечен.»

⁵Люди хотят заповедей и запретов, чтобы чувствовать себя свободными от ответственности. Если эти обязательно наивные заповеди выполняются достаточно точно и если запреты не нарушаются, то «они действительно сделали свое дело», чувствуют себя очень уверенно и хорошо, и «слава богу, что у них хотя бы чистая совесть». Они исполнили «всякую правду» – не осознавая своего одинаково безнадёжного и гротескного самообмана.

⁶Резюме: правила бесполезны на практике, применяются без разборчивости и освобождают практикующего от ответственности.

⁷Только одно правило оставалось верным на протяжении веков – принцип взаимности: поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой.

⁸Единственное моральное повеление – если бы такое было возможно – было бы повелением любви. Но любовью нельзя командовать. Любовь требует свободы и дарует свободу.

1.10 Мотивы

¹Когда правила оказывались непригодными, в этике искали замену, которая делала мотивы нормой действия. Намерение и мотив стали существенными. Ответственность за это должны были нести нрав и направление воли.

²Было обнаружено, что «когда два человека делают одно и то же, то это не одно и то же, что они делают», что два человека могут говорить и делать одно и то же из разных побуждений, более того, из диаметрально противоположных побуждений, один из благородного, а другой из неблагородного мотива. С моральной точки зрения оба они были одинаково «уважаемы и достойны похвалы». С этической точки зрения один был достоин похвалы, а другой – порицания.

³К сожалению, этика оказалась неприменимой. Отчасти мотив был недостижим для объективной оценки, отчасти самообман был значителен и его невозможно было надёжно избежать, отчасти люди были неспособны судить о своих мотивах, отчасти основной мотив, существующий в подсознании, ускользал даже от самого откровенно честного аналитика.

⁴Хотя этика и неприменима как общий метод, тем не менее многие люди придают ей определенное превосходство над традицией, так как она делает действие предметом самостоятельной проверки индивидом и делает индивида ответственным только перед самим собой.

1.11 Моральные оценки

¹Нет ни абсолютных, ни объективных ценностей. Все оценки – это субъективные эмоциональные оценки – пусть они будут индивидуальными или коллективными. Эмоция решает, что является правильным или неправильным. Моральное, или правовое представление, имело мало общего с рациональностью, по крайней мере до сих пор, но определялась эмоциональностью.

²Оценки меняются. Как наше ментальное развитие состоит в постоянном переосмыслении, так и наше эмоциональное развитие состоит в бесконечной переоценке. Навязывание своей оценки другим людям, желая сделать ее окончательной, является доказательством дерзости. В отношении ценностей вся эволюция представляет собой непрерывный процесс переоценки. Мы можем проследить этот процесс через все стадии развития цивилизации и культуры. Качества и поступки, которыми восхищаются дикари, совершенно отличаются от тех, которыми восхищаются культурные люди. Нам еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем весы и меры, которыми люди измеряют, станут пригодными для стандартных мер, прежде чем они достигнут уровня великодушия или гуманности.

³Оценки основываются на данных религиозных, философских, научных, политических, экономических, социальных и т.д. условий, и изменяются по мере того, как эти условия изменяются. Если оценка переживает свое условие, она становится препятствием для более целесообразной оценки, таинственной реликвией, предметом суеверного почитания.

⁴Традиции могут внести свой вклад своими нормами, разум может предоставить свои мнения. Однако именно чувство ценит, определяет ценность. Оценка является субъективной и, вероятно, чаще коллективно, чем индивидуально субъективной. Почти всегда есть несколько человек, которые ценят определенное качество или действие больше или меньше, чем большинство.

⁵Чувство не только ценит, но и дает жизнь тому, что ценит, вплетая его в эмоциональные комплексы, определяющие мнение или действие.

1.12 Голос совести

¹Гипотеза о том, что «язычники, не имеющие закона, по природе законное делают», опровергается исследованиями, которые обнаружили, что они имеют «закон», или принудительные условности, но что содержание закона имеет очень разнообразное, противоречивое и сомнительное свойство. Условности долга и условности добродетели меняются у разных рас, разных наций, разных эпох.

²Гипотеза о голосе совести была опровергнута логически и психологически. Голос совести – это голос условности, автоматизированная «логическая» реакция тех комплексов неполноценности, которые были установлены в детстве и чрезмерно стимулированы в подростковом возрасте непсихологическим непрерывным внушением представлений греха, вины и стыда, которые враждебны жизни и которые позже в жизни превращаются в депрессивные комплексы и часто перерастают в тревожные комплексы.

³Гипотеза о «голосе совести» опровергается также тем, что не было ничего истинного, что не было бы отвергнуто, ничего разумного, что не было бы замолчано, ничего абсурдного, что не было бы принято, ни какого-либо вида беззакония, которое не было бы одобрено, ни какого-либо вида жестокости, которая не была бы похвалена этим голосом совести.

⁴Те, кто больше всего говорит о «совести», обычно меньше всего утруждаются самокритикой. Они идут с «собственными волнами через океан» и беззаботно бросают свои копья, «с законным намерением воина ранить и убить», в беззащитных, которых они находят на своем пути.

⁵Один английский епископ, Саут, справедливо сказал: «Во что бы то ни стало следуй своей совести, но остерегайся, чтобы твоя совесть не была совестью глупца!»

1.13 Религиозная мораль

¹Религиозная мораль не имеет ничего общего с разумом. Ибо предполагается, что это требования некоего космического существа. Поскольку такое существо считается абсолютным, то считается, что его требования к несовершенному также должны быть абсолютными, или требованиями совершенства. Но абсолютные требования логически абсурдны и психологически нелепы.

²Например, столкнувшись с требованием абсолютной истины, никто – никто из тех, кто понимал, что это значит – не осмелился бы произнести слово, вряд ли посмел бы сдвинуться с места. Потому что, во-первых, мы совершаем ошибки в том, что говорим и делаем, и, во-вторых, мы сами виноваты в том, что нас неправильно понимают. С логической точки зрения абсолютная истина означает, что простая истина не есть истина. Следовательно, истина должна быть чем-то другим, любой вещью, возможно, даже неправдой. Таким образом, истине нельзя дать более высокую степень истины, называя ее абсолютной. Требования враждебны жизни. В любом случае они ничем не оправданы. «Абсолютные» требования делают нас еще более слепыми к самим себе и укрепляют наш культ внешней видимости.

³Мудрец однажды написал: «Бог не требует от нас, бедных беспомощных существ, большего, чем мать от своего новорожденного ребенка.» В этом высказывании больше понимания жизни, чем в религиозной морали любого рода.

1.14 Сексуальная мораль

¹Для многих людей курьезная сексуальная мораль – это собственно и есть мораль. Истинное положение вещей может быть резко выражено так: сексуальная мораль есть осуждение эротических людей неэротичными.

²Так называемая сексуальная мораль диктовалась бесполоми, эротически индифферентными или импотентами, у которых отсутствовали как физиологические, так и эмоциональные условия. Они превратили необходимость в добродетель. Монашеский аскетизм и пуританский фанатизм, фальсифицирующие жизнь, превратили инвалидность в достоинство, а физиологическую функцию – в объект презрения. Ничто не может быть более оторвано от реальности и враждебно жизни, чем монашеская мораль, которая называет эротизм прелюбодеянием, естественную функцию постыдной и сам факт зачатия первородным грехом.

³Сексуальная функция является естественной и, вероятно, необходимой, за исключением импотентов или тех, кто может сублимировать половое влечение. Все остальное человечество можно разделить на группы слабого и сильного эротизма.

⁴Проблема сексуальности – это проблема медицинская и социальная. Упразднение проституции было бы первым шагом на пути к поднятию сексуальной проблемы с того уровня жестокости, до которого ее довел идиотский взгляд презрения. Даже такое выражение, как «падшая женщина», бесподобно поясняет моральное в морали, свидетельствует о грубости, жестокости и бесчеловечности морали. В этом вопросе более, чем в любой другой социальной проблеме, облагораживание является категорическим требованием культуры.

⁵Изучая эротизм милых первобытных народов в его совершенной справедливости и невинности, легче понять, какое невыразимое страдание сексуальная мораль, отравляющая все, навлекла на христианский мир.

1.15 Честь

¹Честь – это чудовищная моральная фикция времен морали драки. Эта фикция сохраняется здесь и там с неослабевающей интенсивностью.

²Честь – это унаследованная или приобретенная заслуга, которой любой может быть лишен кем-либо другим, отвоевание которой часто требует крови и жизни того, кто был так легко лишен ее, возможно, злодеем, которому за это заплатили. Если бы эта фикция имела какую-то разумную жизненную ценность, то, конечно, оскорбляющий человек, а не жертва глупости или пошлости, был бы тем, кто «потерял бы свою честь».

³Тот, кто должен защищать свою честь, не имеет чести защищать. Обесценивающие мнения других людей, «оскорбительные» суждения или подобные выражения ненависти никогда не могут унижить человека, на которого рассчитаны, а только клеветника. Любой, кто хочет быть неуязвимым, всегда таков.

⁴Честь и насилие – это пара близнецов, настолько похожих друг на друга, что их почти всегда путали. Могущество – это честь, право и мудрость. Есть много видов чести: солдатская честь драк и убийств, дипломатская честь хитрости и обмана, денежная честь ростовщичества и непомерной прибыли. Вся история – это храм чести.

1.16 Правильно и неправильно или добро и зло

¹Человек не является ни «добрым», ни «злым». На нынешней стадии своего развития он представляет собой неразвитое существо с примитивными инстинктами, эгоистическими интересами и нереальными взглядами на мир и жизнь.

²Для общественного человека право или добро – это то, что предписывают законы общества, а в случае их отсутствия – то, к чему стремится дух законов. Зло – это то, что эти законы запрещают. В обществе именно коллектив во всей своей полноте решает, что считать правильным, а что – нет.

³Для того, кто хочет искать свою основу оценки в единстве братства и служения, правильным или добрым является все, что способствует этому единству; неправильным или злым – все, что вредит ему. Все, что объединяет индивидов, семью, общество, нацию и человечество, тогда рассматривается как ценное. Самый большой вклад, который может сделать человек, считается тогда вкладом собирания и объединения, самый большой вред – вкладом разделения и разобщения.

⁴Для того, кто ищет свою основу правильного и неправильного в научном способе рассмотрения, законы природы служат определяющими нормами добра и зла.

⁵Для того, кто в жизни видит развитие – хотя и часто кажущееся прерванным – правильным или добром является то, что служит развитию всех и каждого. Зло – это все, что препятствует развитию.

⁶Из сказанного должно быть ясно, что в своем разумном смысле мораль есть правовое представление и (возможно) применение этого представления.

1.17 Умение жить

¹Мораль – это инфантильная версия умения жить, руководство по социальному общению для примитивных и неблагоразумных людей, призванное сделать их совместную жизнь с другими настолько свободной от трений, насколько это возможно. Мораль – это социальная условность и подчинение законам страны. Таким образом, мораль – это навязанные условности для субъективно незначимого. Когда в дополнение к этому мораль устанавливает какие-либо «ты должен» или «ты не должен», она нарушает личную свободу или индивидуальный суверенитет. Мораль вообще не имеет на это никакого права. Без своего суверенитета индивид никогда не найдет закон, которым он сам станет. Человек существует не ради традиций. До тех пор, пока традиция выше человека, до тех пор, пока человека можно судить по традиции, до тех

пор человек лишен своего человеческого права и человеческого достоинства. Рабы традиций считают свое рабство смыслом жизни.

²Умение жить – это такт, долг и добродетель. Такт – это неспособность оскорбить. Долг состоит в том, чтобы выполнить свою задачу. Добродетель – это «золотая середина» между крайностями. Умение жить – это далеко не самоистязание и моральные комплексы. Умение жить подразумевает понимание того, что приказы не поднимают уровень культуры, что жизнь дарует свободу, а люди отдают приказы, поскольку они отрицают свободу друг друга. Умение жить – это (также и с коллективной точки зрения) умение возможного.

ПОЛИТИКА

1.18 Введение

¹Политика относится к эмоциональности. Политические идеи все еще принадлежат в большинстве случаев эмоциональному мышлению, а политическое действие – эмоциональному хотению. Тем более важно, следовательно, требование здравого смысла, то есть разума, основанного на фактах; тем более необходимо избавить политические проблемы от несущественных моментов, которые путают суждения. Особенно во времена политических психозов нельзя размышлять слишком спокойно или судить слишком объективно.

²Политика – это отчасти теоретические, отчасти практические попытки решения социально-экономических, социальных, национальных и сверхнациональных проблем. Политика есть и останется гипотезами и экспериментами. Плохие условия, беззакония и нищета должны быть исправлены. Нужно что-то предпринять, и начинается азартная игра.

1.19 Политические проблемы

¹Можно спорить о том, разрешимы ли глубокие политические проблемы. Оптимист верит в это, а пессимист сомневается. Человек не управляется разумом, и разум не способен указать ему путь. Эти проблемы, вероятно, неразрешимы без воли к единству. Но можно без преувеличения утверждать, что эти проблемы не могут быть сформулированы чисто интеллектуальным образом, не могут быть решены так же, как математические задачи, которые вычисляются за письменным столом, и не могут быть решены каким-либо конструктивным способом. Человеческий интеллект – слишком примитивный инструмент для решения задачи, предполагающей всеведение. В своей остроумной книге *Основания социологии* Герберт Спенсер показывает многочисленными примерами, некоторые из которых весьма меткие, что человеческого разума не хватает даже для того, чтобы рассмотреть последствия, казалось бы, довольно простых законодательных мер. Результат слишком часто полностью отличается от того, что было изначально задумано. Добавьте к этому то, что мир управляется с «очень малой долей мудрости», и есть мало надежды на достижение прочных решений без доброй воли и совместных усилий всех и каждого.

²«Правильный человек в правильном месте» – это ежедневно повторяющаяся проблема, которая более или менее неразрешима. Когда многие люди даже сами не знают, для чего они подходят, и большинство людей выбирают работу, которая, как они спустя долгое время осознают, им не подходит, тогда не следует требовать, чтобы назначения на должности были более рациональными. Несомненно, что-то было бы достигнуто, если бы личные отношения, бесцеремонное толкание локтем или партийное рвение не рассматривались как квалификация.

³Отношение между народной свободой или народной властью и правительственной

властью есть одна из многих проблем, неразрешимых без воли к единству. Другая проблема – предупреждение злоупотреблений властью индивидуально и коллективно.

1.20 Политические системы

¹Все политические системы обанкротились, причем не один раз, а много раз. В этом отношении история – всего лишь одна длинная хроника банкротств. Политические системы сменяют друг друга и вновь появляются как бы по кругу. Каждый раз, когда появляется некая система, они верят, что только теперь она построена правильно, только теперь она может показать, чего стоит, только теперь существуют те люди, которые обладают знанием и способностью реализовать идеал и совершить невозможное. А несчастное человечество надеется и верит, трудится, практикует самоотречение и страдает. Со временем оно приходит в отчаяние, восстает и переходит к следующей системе вращения. При диктатуре народ управляется насилием, при демократии – обещаниями.

²Все формы правления непригодны до тех пор, пока народы не созрели для самоуправления, и до тех пор, пока правительства не способны дельно применять власть.

³Однако народы должны сами открыть для себя путем экспериментов ту систему, которую они желают и считают подходящей для себя.

⁴Демократия предполагает всеобщий интерес к политическим вопросам наряду с сильными инстинктами свободы и волей к солидарности. Диктатура кажется оправданной для примитивных наций с антиобщественным инстинктом среди большинства или для наций, неспособных к самоуправлению из-за непреодолимых тенденций к разделению.

⁵Ни одна система не является по сути хорошей и подходящей для всех в любых условиях. Система – это продукт целого ряда различных факторов, общего уровня развития нации, определенного менталитета, национальных особенности. С системой обстоит то же самое, что и со всем остальным: ее оправдание относительно. Та система является наилучшей, которая может быть наилучшим образом приспособлена к преобладающим условиям.

⁶Даже если бы было возможно – а это не так – построить действительно идеальную систему, то она рухнула бы, так как народы не могут приспособиться к другим системам или поддерживать их, кроме тех, которые они сами сформировали и которые выросли из их собственного опыта. Идеальная форма правления предполагает по необходимости идеальных людей. Если люди не изменятся, то никакая система не подойдет. Если люди изменятся настолько, что будут выше и прежде всего ценить единство, то подойдет даже наихудшая система. Ведь именно люди составляют содержание системы.

1.21 Свобода, равенство и братство

¹Единство должно основываться на свободе. Любая попытка государства лишить человека его неотъемлемых прав как индивида является злоупотреблением властью, которое должно привести к упадку государственной авторитетности. Неотъемлемые права индивида включают в себя право составить себе собственные взгляды и действовать в соответствии с ними до тех пор, пока он не нарушает права других на ту же самую неприкосновенную свободу.

²Существует много различных видов свободы. Но истинная свобода не была реализована до сих пор. Свободы, гарантируемые государством, такие как свобода мысли, выражения мнений, печати, являются очень ценными, поскольку они представляют собой столько же свобод от государственной тирании. Но это ни в коем случае не означает гарантии свободы выражения мнений, например. Тот, кто свободно говорит

то, что думает, скоро узнает, чего стоит эта его свобода. Только те, кто обладает какой-то силой, могут выражать свое собственное мнение. Почти все устроено так, чтобы лишить людей их свободы: произвол условностей и отсутствие у людей самостоятельности, их нетерпимость и высокомерие. Самостоятельность, отказ от порабощения приводит к тому, что индивид имеет против себя почти весь мир. К этому сознательному угнетению прибавляется огромное бессознательное давление, которое оказывает общественное мнение и которое с помощью свободной прессы, также свободной от ответственности, практически уничтожает свободу.

³Злоупотребление свободой печати и эксплуатацию невежественных и легковверных можно считать одной из все еще нерешенных проблем демократии. Распространение ложных сведений, искажение фактов, искажение мнений инакомыслящих, наведение подозрений на мотивы других, очернение нежелательных лиц, отказ от выполнения справедливых требований об исправлении должны быть запрещены, в том числе и для прессы. Стоит важная задача перед омбудсменом по вопросам свободы печати, наделенным широкими полномочиями, а также обязанностями, начать судебное преследование. Таким образом, можно было бы обойтись без требований об исправлении, выдвигаемых отдельными гражданами.

⁴Силовые факторы слишком часто становятся препятствием на пути к свободе, средством давления и угнетения для бессовестных. Таким образом, они являются коррумпирующими элементами. Жизненный опыт ясно показывает, что властью всегда каким-то образом злоупотребляют. Власть всегда ведет к произволу, который в каком-то отношении выше закона. Частная власть – это беззаконие. Человек без закона олицетворяет человеческий разум без человечности, который Гете так ярко изобразил в Мефистофеле своей драмы «Фауст». Только тот готов к власти, кто дарует другим людям свободу. Правовая норма свободы остается неизменной: живи и дай жить другим.

⁵Свобода, равенство и братство – это сочетание трех идей, которые не вполне равноценны друг другу. Свобода и братство предполагают друг друга. Без свободы нет братства, а без братства нет свободы. Равенство имеет лишь незначительные точки соприкосновения с этими двумя идеями. Под равенством понималось право на человеческое достоинство, право на открытую конкуренцию, право быть судимым только по компетентности, равенство перед законом и упразднение всех привилегий – то есть частной власти. Хотя требование равенства еще не было выполнено, тем не менее это требование относится к более низкому культурному уровню, чем свобода и братство. Многозначность слова равенство смутила слабые умы, которые сделали чудовищный вывод, что все люди равны – одинаково изобретательны и компетентны во всех отношениях, не понимая того, что двух таких равных еще не существовало. Вопрос заключается в том, не может ли современный комплекс неполноценности быть более правильно охарактеризован комплексом равенства.

1.22 Политическое единство

¹Задача государства состоит также в том, чтобы добиваться политического единства на основе свободного убеждения, поскольку только воля к единству может привести к прочному решению политических, социальных и политико-экономических проблем. Единство, солидарность с обществом в целом, сотрудничество и взаимопомощь всех – это единственная разумная и в конечном счете прочная основа. Тот путь ненависти и разделения, которым человечество шло с такими отчаянно скудными результатами, должен иметь достаточно просветляющий и достаточно сдерживающий эффект. Мы должны были бы научиться хоть чему-то из истории.

²«Разделяй и властвуй» было девизом недальновидной политики, ставившей власть выше единства. Такая политика была бы невозможна, если бы политические партии

сотрудничали, а не противостояли друг другу. Партийная система означает разделение и антагонизм, отравляет общественный дух и прямо или косвенно противодействует политическому единству.

³Если воля к единству не может достаточно окрепнуть в народе, чтобы преодолеть эгоистическую классовую политику, то легко разрушаются ценности, которые можно было бы сохранить доброй волей. Есть более разумные способы достижения единства, чем диктатура, которая, постоянно опасаясь несуществующих опасностей, жестоко следит за собственной безопасностью и, кроме того, делает то, что считает нужным небольшая временная клика власти. Свобода легко теряется, и ее очень трудно вернуть. Существуют возможности пренебрежения тем, что разделяет, выбора таких личностей, которые способны оживлять дискуссии и решения в духе единства. Существуют относительно простые средства для того, чтобы сделать политические боевые организации, а также классовые партии излишними посредством мудрого законодательства и государственной власти в качестве бдительного помощника.

*

⁴Власть отменяет свободу. Произвольная власть отменяет или ограничивает произвольно свободу других. Тот, кто стремится к власти над другими по другой причине, нежели для того, чтобы освободить других, является врагом других. Ни одна нация не имеет никакого права, кроме права произвола, управлять другими нациями. А тот, кто стремится к мировому господству, является врагом человечества.

⁵Воля индивидов к единству и их право на свободу являются разумным оправданием государства. Все попытки защитить возможности угнетения временной властью – то есть возможности произвольного правосудия – остаются произволом. Главная задача индивида как члена общества состоит в том, чтобы способствовать реализации единства и свободы в государстве, организованном как можно более разумно.

⁶Все право должно основываться на праве индивида на максимально возможную свободу в пределах равного права других на свободу. Любой вид угнетения, преследования или нарушения права других людей является преступлением. Ни один коллектив не имеет большего права в рамках равного права для всех, чем один человек. Любая организация, созданная с целью обогащения за счет других, является преступной. Неоправданное преимущество любого рода – это преступление.

⁷Правом государства по отношению к индивиду – без учета его необходимых обязательств перед государством – может быть только его право на социальное воспитание антиобщественных индивидов, нарушающих законы государства и права и свободы других. Государство не имеет права наказывать, мстить, творить зло, чтобы из этого вышло добро.

⁸Политические расовые проблемы порождают расовую ненависть, так как для большинства людей идея рас – это эмоция, и в данном случае ненависть.

⁹Действие предполагает определенную точку зрения. Все точки зрения являются более или менее временными, поскольку они временно обусловлены необходимостью действия.

¹⁰Мы все принадлежим к «массам», когда эмоция определяет нашу точку зрения, когда в каждом отдельном случае мы не можем уяснить себе самостоятельную и разумную точку зрения.

1.23 Практическая политика

¹Нет стереотипного мышления формальных теоретиков, столь же фатального, как в политике. Государственная мудрость – это не искусство объединения меньшинств или ведения закулисного торга, не искусство обобщения, а искусство индивидуализации.

Государственные деятели, конечно, должны обладать бдительностью, ловкой приспособляемостью и практическим мастерством конъюнктурных политиков. Они осознают ценность политических теорий как попыток ориентации. Но они никогда не применяют их на практике, так как поняли существенное различие между теорией и реальностью.

²Общества, построенные в соответствии с конструкциями, лишены той эластичности в жизни, которая характеризует эволюционные общества. Общество – это коллектив индивидов, для которых свобода – это их жизненный воздух и условие их наилучшего достижения. Общество – это коллектив, который по своеобразие не похож ни на один другой.

³Концентрация власти способствует злоупотреблению властью. Центральная администрация, которая все регулирует, – это такая же большая неудача, как и врач, который ставит свои диагнозы по телефону. Баланс сил между оправданными или необходимыми групповыми интересами в обществе является лучшей гарантией свободы. «Большинство редко отвечает требованиям истинных интересов государства и далеко не всегда оказывается правым.» Ни одной партии не должно быть позволено угнетать других или издавать законы без учета оправданных интересов меньшинств. «Если законодательное собрание также становится исполнительной властью, решает текущие вопросы дня, принимает законы для отдельных случаев, то уважение к закону находится под угрозой из-за временных причуд и страстей партийной политики.» Основывать власть на массовом мнении, лишенном рассуждения – это, пожалуй, демократия, но не доказательство безошибочного суждения.

⁴Государственные организации постепенно становятся все менее целесообразными, если не происходит постоянного приспособления к постоянно меняющимся внешним условиям и к индивидуальным способностям новых функционеров. Вопрос заключается в том, не лучше ли было бы, чтобы государственные должности были персональными, а не постоянными. Бюрократический общественный строй имеет тенденцию стать гражданским аналогом военной организации со своими начальниками и подчиненными, ведущим принципом которой является повиновение. Просто разные эмблемы отличают такое общество от общества рабов. Герберт Спенсер пророчествовал, что будущие социалистические общества должны закончиться тиранией, которой мир никогда не видел.

⁵В бюрократии инициативы не должны исходить снизу, потому что это оскорбляет всеведение всех высших инстанций. Кроме того, инициативы сопряжены с определенными рисками. Если они получаются хорошо, то «ненужные неприятности» оставляют за собой общее недовольство. Если они потерпят неудачу, карьера инициатора будет разрушена. Дело в том, чтобы быть на безопасной стороне, не проявляя предприимчивости, всегда придерживаясь буквы устава с формализмом как следствие. Бюрократия – это самая жесткая, громоздкая, неуклюжая, убивающая инициативу, дорогая система, которая ведет к огромной трате талантов, сдерживаемых ею. Чиновник ограничен в проявлении своей компетентности в рутинных делах.

⁶Вопрос о том, какой общественный строй является самым дорогим и, следовательно, несет самое тяжелое бремя для всех, не так труден для ответа, как принято считать. Большая численность государственных служащих является чрезвычайно обременительной. По сравнению с этим стоимость частного капитализма ничтожна.

⁷Частный капитал – это самый большой фактор увеличения производства. Упразднение частного капитала делает всех устойчивых людей беднее и в конечном счете превращает всех в государственных рабов. Единственный способ повысить уровень жизни – это увеличить производство, не конфисковывать частный капитал, который делает возможными инициативы, не понижать уровень тех групп, которые приносят наибольшую пользу обществу своими добровольными вкладами, не ограничивать пред-

принимательство, которое приносит пользу производительности. Все эти меры подобны убийству гусыни, несущей золотые яйца.

⁸Принудительное выравнивание собственности приводит лишь к временному повышению уровня жизни отдельных групп населения. Пытаться поднять общий уровень жизни в более быстром темпе, чем уровень производства, – это все равно что жить не по средствам.

⁹Действительно ли труднее найти способы определения доли людей в национальном доходе в соответствии с их вкладом в производство, общество или «культуру», чем регулировать оплату различных видов труда в соответствии с экономическим законом спроса и предложения?

¹⁰Налогообложение – это комплекс еще не решенных проблем. Государство имеет не больше права, чем кто-либо другой, неоправданно эксплуатировать индивидуальные возможности. Цели государства не оправдывают его средств. Неразумная налоговая политика способствует расточительности. Это часть социалистической софистики, что вы приносите пользу обществу почти конфискационным налогообложением гениев в предпринимательстве, которые обладают способностью увеличивать производство и создавать ценности.

¹¹Свободный общественный строй в конце концов окажется несравненно более совершенным. Государственный капитализм никогда не сможет конкурировать с частным капитализмом в эффективности и производительности. Государство подходит не для предпринимательства, не для того, чтобы быть дистрибьютором или менеджером, а просто для того, чтобы быть эффективным аудитором. Одна из его главных задач состоит в том, чтобы ни один классовый интерес не имел возможности посягнуть на другие интересы.

¹²Государственные предприятия никогда не смогут конкурировать с частными предприятиями насчет эффективности и прибыльности. Это утверждение может сойти за аксиому, как и утверждение Руссо о том, что истинной демократии никогда не будет.

1.24 ЭСТЕТИКА

¹Эстетика – это теория красоты. Раньше они имели в виду определенную теорию, «однородную» теорию и предпочтительно непогрешимую теорию, единственно верную. Они начали с одной идеи. На основе тех эстетических воззрений, которые могли быть получены из этой идеи, они сделали более или менее глубокие размышления, которые были объединены в кажущуюся однородную теорию.

²В дальнейшем будут установлены частичные связи со старыми, хорошо известными точками зрения на очень часто обсуждаемые темы. Но, пожалуй, нет ничего плохого в том, чтобы еще раз рассмотреть их в связи со значением искусства для эмоциональной культуры. К сожалению, его значение для этого слишком часто забывается. Истинное искусство наполняет человека радостью. А истинная радость делает человека добрым.

* * *

³Нигде разделение и растерянность нашего времени не столь же очевидны для всех, как и во всем, что связано с искусством – архитектура является единственным исключением. Возможно, особое положение архитектуры зависит от того, что обращение с материалами требует определенной умеренности, что люди не могут жить в каком-либо доме, а также от того, что технологические проблемы достаточно заставили задуматься.

⁴Говорят, что искусство ищет новые пути. Но находят ли такие, есть ли хоть малейший шанс найти какие-то новые пути? Презрение к старому не является источником вдохновения. Сделанные попытки казались более всего отталкивающими, менее всего

ободряющими, очень мало обнадеживающими. Бездна и усталость, кажется, даже сказались на техническом мастерстве.

⁵Очевидно, что все это – следствие обеднения чувства, отсутствия у него определенности и цели. Когда чувство увядает, притупляется и огрубевает, тогда не рождается никакого искусства, достойного этого имени.

⁶Выглядит так, как будто искусство нашего времени началось с создания хаоса, надеясь, что из него возникнет упорядоченный космос. Вполне вероятно, что сам термин «создать» внес путаницу. «Образовать», конечно, было бы более подходящим термином. Великий художник не «создает». Он стремится изобразить неизобразимое, несравненное, провидческое во всем его великолепии. То, что наша эпоха называет искусством, забыло все, чему оно научилось на опыте прошлых времен. Он возвращается к дикарскому вою и прыжкам, шуму и грохоту, наивным деревянным и каменным идолам, кричащим краскам и бесформенности. Только пальмовых хижин не хватает, чтобы дикарь чувствовал себя как дома в нашей культуре.

⁷Новое искусство получается тогда, когда новая художественная идея сливается с предыдущими. Художественные гении не отвергают старого. Они берут его за основу. Они усваивают и совершенствуют его. Они обладают истинной способностью к синтезу. Они знают, что новое должно органически расти из старого и что должна быть промежуточная стадия и связь.

⁸Искусство дает силу, когда дает удовлетворение, радость, гармонию и спокойствие. Мы почти ничего такого не получаем от искусства нашего времени. Наш ум взбудоражен и разорван всем нереальным, невероятным, невозможным, неразрешенным, незрелым, дисгармоничным и неумеренным. Впечатления влекут за собой расходование сил, так как они требуют напряжения для усвоения и энергии для переваривания. Если впечатления вызывают вышеупомянутые положительные эмоции, то расходование сил уравнивается позитивизацией сознания и повышением витальности. Только негативное утомляет и удручает.

⁹Искусство – это культура формы. Художник, разрушающий все формы, – такой же фантаст, как и философ, игнорирующий реальность. Искусство – это свобода, но не произвол. Также художник должен уметь найти срединный путь между рабством и беззаконием. Будучи фактором культуры, искусство существует не более ради самого себя, чем все остальное. У всего есть задача, и у искусства тоже. Точно так же, как можно сказать, что мы становимся тем, что мы усваиваем тем или иным образом, «поедая, читая», так же можно сказать, что мы становимся тем, что мы наблюдаем. Одна из задач искусства – украсить жизнь. Уродства у нас и так более чем достаточно. Усиливая красоту, искусство объединяет нас в совместном стремлении к красоте, увеличивает наше понимание красоты, утончает наше восприятие всего прекрасного и дает ту радость, которую мы чувствуете перед всем прекрасным. Все искусство имеет общую задачу в общечеловеческом культурном развитии: облагородить нас. Он может сделать это во многих отношениях.

¹⁰Каждый человек усваивает, пусть даже бессознательно, все, что может. Сознательный интерес к искусству может отсутствовать. Но самое большое значение искусства заключается в бессознательном.

¹¹Упускается из виду тот факт, что все идеи в искусстве, науке и во всех сферах жизни готовятся в бессознательном. То, что мы называем сознанием, – то есть бодрствующим сознанием, – можно сравнить с тем, что видит глаз в данный момент. А бессознательное соответствует миру, который в основном не исследован. Как правило, требуется много времени, чтобы оригинальная, новая идея стала осознанной. Идея подготавливается через множество впечатлений, которые сливаются в единый идейный комплекс. Проходят годы, и этот идейный комплекс растет медленно и бессознательно.

Бодрствующее сознание, возможно, никогда не обращает никакого внимания на эти впечатления. Впечатления текут внутрь, усваиваются комплексом, который постоянно работает. Впечатления перегруппировываются в бесконечном процессе, пока все мыслимые комбинации не сформируются, не растворятся и не сформируются снова. С каждым новым впечатлением процесс начинается заново, пока однажды не выкристаллизовывается некая идея, которая проникает на порог сознания. Тогда мы получаем какую-то новую идею, как новое понятие красоты, новый взгляд на вещи.

¹²Мирские понятия о красоте часто являются результатом такого бессознательного процесса. Искусство может выполнять в этом одну из своих многочисленных функций. Но идея художника теряется, если ее не схватить. Чтобы получить внимание и быть понятым, он должен оставаться в пределах тех границ, которые сама жизнь установила для своего формирования и которые указывает реальность. Даже бессознательное не может воспользоваться произвольным и бесцельным субъективизмом. Все, что человек хочет усвоить бессознательным, не должно иметь отталкивающего эффекта, но должно быть инстинктивно привлекательным. Увлекая внимание, искусство также развивает ту концентрацию сознания, которая называется наблюдательностью.

*

¹³В эстетике они смогли найти по крайней мере негативные достоинства в тех произведениях искусства, которые стояли на протяжении всех веков и считались бессмертными. Эти произведения не воюют против нашего знания действительности, не содержат никаких нерешенных проблем, не задевают наших чувств и не призывают нас к действию. Таким образом, никакие мешающие факторы не были допущены, чтобы противодействовать поглощению тем созерцательным наблюдением, в котором человек наиболее интенсивно усваивает то, что может дать произведение искусства, и сам может получить.

¹⁴Позитивные достоинства, которые они нашли в искусстве, называемом классическим, таковы: умеренность, сильные эффекты с малыми средствами, объединяющая тенденция.

¹⁵Великое искусство представляет всеобщее в особом, то есть то, что является общим для связной группы сходных предметов. И это именно идеал. Идеал – это реальное без изъянов реального или случайного. Идеал – это не произвольная конструкция. Часто это гораздо более верно для реального, чем реальное, так называемое. Идеал – это всеобщее конкретное, а не особое конкретное. Произведения искусства природы – например, прекрасное человеческое тело – редко бывают совершенными. Почти всегда в них есть то, что мы называем косметическим недостатком. Мы воспринимаем этот недостаток потому, что обладаем более общим представлением, обобщением, типом. Иначе мы были бы привязаны к особенному, случайному конкретному и не заметили бы изъяна. Идеализм – это требование красоты к совершенству. В какой-то мере можно сказать, что идеализм состоит в устранении недостатков, исправлении неудачных попыток природы, соответствующем ретушированию фотографом своего фильма.

¹⁶Искусство существует для того, чтобы дать нам красоту. Реальность дает нам истину. Истина – реалистическое представление действительности – редко бывает прекрасна. А красота редко бывает истинной. Смешивать истину и красоту в искусстве – значит неправильно понимать задачу искусства.

¹⁷Произведение искусства имеет свое неизбежное ограничение. В этом ограничении проявляется истинное смирение художника. В рамках данного подхода он должен не «творить» а совершить нечто поистине трудное и великое, решить все проблемы, преодолеть все трудности, по-царски выдать все богатство своей души, представить нечто от великолепия своего провидения, передать зрителю спонтанные чувства,

которые его переполняли.

¹⁸Идеализм – это «первичная абстракция». «Вторичная абстракция из первичной» – все еще с приверженностью реалиста к конкретности – это провидимое. Великий художник всегда в каком-то смысле «ясновидящий». Иногда видение исходит как бы из ниоткуда; иногда он мгновенно воспринимается как аура, окутывающая реальность; иногда требуется долгое и тщательное наблюдение за реальностью (то есть созерцание). Видение, из которого рождается произведение искусства, всегда окружает великое произведение как его аура и предстает перед преданным зрителем, погруженным в созерцание, как тот чудесный прототип, из которого оно выкристаллизовалось.

¹⁹Истинный реалист изображает конкретное со всеми его дефектами, изъянами и деформациями. Реализм – вот его девиз. Но он редко придерживается его. За отсутствием вдохновляющего видения он бессознательно ищет себе какую-нибудь замену и тем самым отказывается от тиранической конкретности. Он тоже позволяет себе вольности и начинает абстрагировать. Поначалу, возможно, он просто отбрасывает все, что может остаться от приятного. Но одно легко влечет за собой другое, и особое огрубляется до карикатурности. Еще один шаг, и он окажется в бесформенности. Реализм, который должен был быть «истиной превыше всего» и который так шумел о «фальшивости», нашел истину, которая часто имеет отталкивающее сходство с ее противоположностью, и реальность, которая ни на что не похожа.

²⁰Отношение между идеализмом и реализмом можно резко выразить так: идеализм показывает, как должна выглядеть реальность, а реализм – как она не должна выглядеть.

*

²¹Греческое искусство было образцовым в некоторых отношениях. Его главные творения показывают нам тот идеализм, который составляет совершенный идеальный реализм.

²²Однако греческий тип красоты не должен рассматриваться как идеал, закрепленный на вечные времена. Если телосложение меняется, то искусство должно следовать этому примеру. И телосложение, вероятно, не является неизменным. Раса меняется. Никто не может сказать, не будут ли плечи женщины шире ее бедер, не будут ли ноги женщины пропорционально длинны, как у мужчины. Если расовые признаки изменяются так же сильно, то меняется и наш идеал красоты, потому что он никогда не является чем-то фиксированным на все грядущие времена. Расовый тип красоты всегда есть всеобщее в особом, а так называемая красота есть конкретизация всеобщего.

* * *

²³Задача литературного искусства также состоит в том, чтобы облагородить наши чувства. Задача художественной литературы в культурном отношении состоит в том, чтобы помочь людям жить, выбрать идеалы, которыми мы должны восхищаться, героев почитать и любить, даровать красоту, радость и доверие к жизни, дать знание о возможностях человека развивать хорошие, благородные качества также в трудных и неблагоприятных условиях жизни.

²⁴Одним из важнейших факторов облагораживания является восхищение. Восхищение чем-то односторонним легко приводит к подражанию и потребности в отклонении, проявляющейся в неспособности к адаптации, которая часто делает жизнь излишне неловкой для других. Чувство восхищения всем достойным восхищения, однако, сохраняет индивидуальный характер и препятствует подражанию. Само восхищение – не только чем-то великим в частности, но и всем тем, что в каком-то отношении больше нас самих, чем средний, посредственный человек, – освобождает, возвышает,

облагораживает. Каждый, кто овладел искусством восхищения, тем самым обрел доступ к одной из величайших тайных сил жизни.

²⁵Влияние литературы едва ли можно преувеличить. Его прямое влияние очевидно для любого, кто осознает силу идей, особенно силу эмоциональных идей и идей, побуждающих к действию. Влияние литературы на бессознательное, вероятно, рассматривается в меньшей степени. Незаметно для нас литература закладывает основу настроений и комплексов, которые могут определять все наше эмоциональное отношение, нашу оценку условностей и наш взгляд на жизнь. Типичным примером является английская литература викторианской эпохи. Не склонная к тенденциозности и наивная до почти патетической степени, она была замаскированной агитацией и пропагандой общепринятых норм и ценностей, которые ее современникам предлагалось рассматривать как вечно неизменные и которые до сих пор определяют привычки английского джентльмена. Незаметно для нас литература может связать нас узами узких условностей, враждебных жизни, фальсифицировать жизневоззрение неопытных, прививать иллюзии, оторванные от жизни и имеющие роковые последствия, и заставлять неискушенных ожидать чудес или невероятного.

²⁶Великая литература дает нам реальную жизнь с проблемами жизни, конфликтами и их решением. Она дает нам большее самопознание и знание о человеческой натуре. Она оказывает ободряющее, побуждающее, искупительное действие, изображая борьбу упорности с ограничивающими условиями и неблагоприятными судьбами, освобождающую силу юмора посреди трагедии жизни.

²⁷Подлинное произведение искусства получается тогда, когда отдельные герои в самой своей конкретности выражают нечто всеобщее, сверхиндивидуальное, характерное для их эпохи; и когда изображение индивидуальных условий позволяет понять образ мышления эпохи, отношение к жизни, ограничения и окончательное освобождение.

* * *

²⁸Музыка имеет свою собственную сферу внутри мира эмоции, и ее средствами выражения являются ритм, гармония и мелодия. Диссонанс эстетически допускается как усиление гармонии.

²⁹Музыка чисто субъективна, хотя и не индивидуально, а коллективно субъективна. Она бессловесный эмоциональный язык национальной, расовой души. И она не должна быть переведена. Делая ее чем-то таким, что может быть воспринято разумом, вводя «объективные музыкальные картины» с согласованными интерпретациями – это должно быть плохая погода, дождь, ветер, затишье после бури, восход солнца, степной пейзаж и т. д. во все большей, кажущейся бесконечной степени – они уводят музыку из ее собственной сферы в одну из условностей, непостижимых для непосвященных. Вводя музыку условностей, они оставили собственно сферу музыкальных эмоций и привели музыку в мир разума и размышлений, где ей не место. Поэтому «музыкальные картины» в целом обречены на провал. Музыка не может изобразить саму грозу, это гигантское природное явление, едва ли может вызвать те же чувства, что и гроза, и, как правило, даже не может создать понимания тех чувств, которые вызывает гроза. То же самое можно сказать и о музыкальной драме. Драматическая музыка не действует, не может выражать смысл действия, едва ли даже чувства действующих лиц, но возбуждает в нас индивидуально-субъективные чувства. Также в этой музыкальной области условности необходимы для понимания, хотя это правда, что драматическое действие несколько облегчает понимание этих условностей.

³⁰Самое близкое к музыке – это лирика, поскольку условности в ней излишни. Однако музыкальное чувство и лирическое чувство не сливаются, а образуют два параллельных эмоциональных потока, которые могут усиливать друг друга.

³¹Мало что можно сказать о современном так называемом музыкальном искусстве. Атональность, шум и гам – это не музыка. Крики, визг, вой, рев, скулеж, кукареканье, вопли – это не пение.

³²Пение в полном оркестре разрушает благозвучие, если голос не становится инструментом среди других и тогда ни в коем случае не доминирует. Эксперименты, проведенные с новыми типами техники пения, обычно сбивали пение с пути истинного.

³³Музыка требует все новых форм и имеет слишком большую тенденцию к закреплению в традиционных формах. Как и чувство музыка по природе рапсодична. Рапсодии Листа были отчаянным протестом гения против тиранических разделений и перегородок, против тех условно, «логически» построенных симфоний со своими предписанными партиями. Попурри, над которыми насмеяются «знатоки», часто являются самой приятной формой «симфонии» для непредубежденного ума, а значит, не слишком образованного или условного ума. Новаторам предстоит проделать большую работу во всех сферах музыки. Опера с речевым диалогом в классическом стиле имеет, вероятно, новые перспективы. Как и сейчас, оперетты, будучи богаты мелодиями, часто музыкально превосходят оперы. Возможны также рапсодические симфонии, продолжающиеся без партий, возможно, с особенностями лирического пения, в которых голос или голоса сливаются с инструментальной музыкой.

³⁴Мелодия – это сердце музыки. Любой музыкальный плотник может научиться контрапунктному ремеслу теоретической музыки. Однако гениальные мелодии – это работа вдохновения, и они не выпадают на долю каждого. Как обычно, художественная неспособность превращает недостаток в добродетель.

³⁵Нам нужен обновитель музыкального искусства, тот, кто заставит гармоничные ноты облекать чудесные мелодии в свободные формы, кто заставит мелодию занять свое место в великих произведениях, кто заставит мелодию выполнить главную задачу, обусловленную ею. Мелодия в своем оркестровом обрамлении, когда она достигает своей высшей точки, также знаменует собой вершину музыкального искусства. Техника оркестровки производит самое сильное впечатление, когда какому-то инструменту разрешается отчетливо подчеркнуть мелодию, в то время как другие инструменты преследуют свои собственные пассажи, предназначенные для того, чтобы сплести, подобно прекрасному чеканному произведению, конгениальный узор тонов вокруг монограммы.

МЕНТАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

1.25 ФИЛОСОФИЯ

¹Задача философии – развивать разум, задача науки – познавать действительность, а задача религии и искусства – облагораживать эмоции. Чем скорее они научатся сотрудничать, тем скорее наступит день истинной культуры.

²История философских идей – это история фикций. Философия становится фикционализмом, когда она перестает быть критикой и делает попытки построения, которые всегда сбивали чувство реальности с пути истинного. Философия – это попытка разума объяснить данную реальность из существующих условий. Философия имманентна и не должна, как и наука, прибегать в своих объяснениях к фактам, недоступным нормальному индивиду. Личное мнение философа или ученого о неизведанном – это не философия.

³История философии показывает различные попытки спекулятивного мышления сформировать принципиальный взгляд на действительность. Без знания реальности – знания, являющегося по существу результатом работы естественных наук, – или знакомства с самой природой мышления, вероятно, было неизбежно, что это умозрение стало субъективистским, даже не понимая, что оно субъективистское.

⁴Являются ли проблемы, касающиеся принципов, реальными проблемами или только

мнимыми проблемами, часто не могут быть решены до тех пор, пока эти проблемы не будут решены или не будут доказаны неразрешимыми. Пока проблемы не решены, даже их формулировка проблематична. Было доказано, что большинство философских проблем являются мнимыми проблемами.

⁵Объективная проблема реальности – это вопрос о совокупности знаний. Либо мы знаем все, либо есть что-то неисследованное. И только тогда, когда ничто не остается неисследованным, эта проблема перестает быть проблемой. Пока существует нечто неизведанное, мы обладаем знанием только о части реальности. Незведанная и, вероятно, большая часть действительности принадлежит миру интеллектуальных построений в той мере, в какой мы формируем представления или выдвигаем гипотезы о ней.

⁶Интеллектуальные эксперименты философии были очень важны. Они развили саму способность мыслить, удовлетворили потребность в обзорах и ясности, снабдили материалом идей. Они показали односторонность последовательного следования только одному направлению мысли в логическом мышлении, показали ограниченность обучения и противодействовали тенденции превращения относительных идей в абсолютные и навязчивые идеи.

⁷Взгляды разума показывают попытки и способы мышления ориентироваться, ценность и ограниченность нашей субъективности.

1.26 Идеи

¹Идея означает открытие, внушение, новое понимание, большее и более глубокое понимание, более широкий кругозор. Идея подразумевает приобретение знания, предполагаемого или действительного. Можно сказать, что идеи включают в себя обобщения, синтезы, суждения, теории, гипотезы, фикции. Формально-логический вывод не есть идея, однако, ибо такой вывод не увеличивает нашего знания, не расширяет нашего кругозора.

²Большинство построений нашего разума являются идеями или основаны на идеях, которые включаются в интеллектуальное наследие человечества, если они передаются потомкам. В противном случае открытие должно быть сделано заново. История идей – это история интеллектуальных открытий.

³Обычно идеи получаются из бессознательного. Они могут возникать благодаря телепатии, – которая объясняет, почему они появляются у нескольких людей одновременно, – или быть результатом работы собственного бессознательного. Бессознательное включает в себя все, что когда-то прошло через бодрствующее сознание. Почти все из этого бодрствующее сознание позабыло, часто даже не воспринимая ясно. Все эти впечатления входят в одинаковые комплексы и ведут свою жизнь под покровом бессознательного. Работа комплексов может быть понята как объединение и разъединение впечатлений, их образование в бесчисленные комбинации, в процессе, продолжающемся до тех пор, пока в бодрствующем сознании не выкристаллизовывается идея, возникшая как бы из ничего. Идеи – это обобщения, превращенные в оригинальные единицы, бесчисленных сходных и взаимно согласующихся переживаний внутри данной сферы. «Чистая апперцепция» Канта и «интеллектуальное воззрение» Фихте – неудачные попытки объяснить концепцию идей в бессознательном.

⁴Работа бессознательного несравненно быстрее, надежнее, эффективнее, чем работа сознательного размышления. То, что результат у большинства людей отрицателен, зависит от того, что они снабжают свое бессознательное бесполезным материалом. Работа бессознательного механична и некритична. Если бессознательное снабжено преимущественно фикциями, предположительными фактами, ошибочными мнениями, то результатом его работы будут как раз преимущественно эмоциональные импульсы, фантазии, причуды, капризы.

⁵Идеи – это инструменты для постижения реальности. Как богатство жизни состоит в отношениях, так и богатство мышления состоит в идеях. У нас должны быть идеи. Нам нужно столько, сколько мы можем получить. У нас их никогда не бывает слишком много. С каждой новой идеей у нас появляется все больше возможностей понять мир, который чрезвычайно трудно понять. Чем больше у нас идей, тем больше мы видим и открываем. Люди будут оставаться враждебными знанию до тех пор, пока не увидят, что каждая новая идея только увеличивает наше постижение и понимание, нашу способность суждения и ориентации.

⁶Если у нас нет никаких разумных идей, то у нас есть неразумные идеи. Чем меньше у нас идей, тем вернее, что мы являемся их рабами. Сами того не подозревая, большинство людей становятся жертвами своих слишком немногочисленных и примитивных идей. Чем больше у нас идей, тем свободнее мы становимся, тем больше у нас возможностей выбрать между разными идеями.

⁷Реальность может согласовываться с идеей, но редко или никогда с так называемыми логическими следствиями идеи, если только идеи не развиваются из тех оболочек идей, в которые они были ранее завернуты. Всякий раз, когда мы начинаем теоретизировать, мы покидаем твердую почву реальности. Это не мешает нам теоретизировать. Но это должно помешать нам фанатизировать.

⁸В общем мы придаем слишком большое значение однажды приобретенным взглядам, которые вскоре заменяются более целесообразными или более разумными в стремлении ко все большей точности и ясности в кажущемся бесконечным процессе интеллектуального развития.

⁹Идеи иногда могут быть опасны для некритичных людей, которые не осознают их относительности, или для фанатиков идей, которые преувеличивают важность идей. У идейно-культурных людей, как бы проработавших идейный материал культуры, каждая идея приобретает свое ограниченное значение. Благодаря такому процессу человек стал мастером идей. Тогда идеи уже не являются причинами беспокойства, но дают то спокойствие, которое дает любой ясный обзор.

¹⁰Мы находимся в бесконечном путешествии через реальность. Каждое научное открытие дает новое содержание реальности новой идее. Открытие нового закона природы дает новую идею постоянного отношения. Многие идеи являются аналогиями из различных областей опыта. Многие идеи являются общим достоянием культуры, хотя мы иногда забываем об их происхождении и смотрим на них как на новые идеи.

¹¹Часто мы упускаем возможность сделать открытие или найти новую идею из-за нашей укоренившейся привычки объяснять новые опыты старыми идеями, отождествляя новые переживания с вещами, которые мы знаем и к которым привыкли.

¹²Эмоциональное мышление сожалеет о том, что идеи имеют лишь относительную или временную действительность. Мы испытываем чувство «отсутствия дна» всякий раз, когда нам приходится отбрасывать идеи, которые мы вплели в эмоциональные комплексы. Это также показывает, насколько важно бережно относиться к идеям. Гораздо легче, чем вы думаете, они превращаются в идеи фикс, которые никто не должен расстраивать. Всегда рискованно, когда эмоции овладевают идеями. Эмоция дает силу действия и должна быть направлена в мир действия. Когда эмоция каким-либо образом принимает решение в мире мысли, тогда разум лишается разумности.

1.27 Четкие понятия

¹Большинство людей не испытывают потребности в ясных понятиях. Они довольствуются намеками и неясными, расплывчатыми представлениями. Их мышление – это подражательное повторение слов, которые, по их мнению, что-то означают. Понятия, сопровождающие эти слова, редко бывают конкретными. Им недостает того индиви-

дуализированного содержания реальности, которое получается только через опыт. Эмоция, сопровождающая представление, часто рассматривается как гораздо более важная. Слово с самого начала было связано с эмоцией, а не с ясным понятием. Когда эмоция появляется в бодрствующем сознании, тогда появляется и слово; а слово, безусловно, все, что нам нужно для общения с другими людьми. Чтобы иметь возможность мыслить, мы должны освободить слово от эмоций и связать его с памятной картиной наглядной реальности или имеющимся опытом. Без четких представлений мы ведем «инстинктивную» эмоциональную жизнь. И без этих четких представлений, разумно упорядоченных в логическое целое, мы живем в ментальном хаосе.

²Мышление кажется напряженным и бессмысленным, когда результат настолько расплывчат, что его нельзя использовать. Когда представления подобны маленьким облакам, тогда их сочетание будет только большим облаком. То, что определение понятий необходимо, наиболее ясно из того хаоса понятий, которым удовлетворено большинство людей, – не очень большой результат интеллектуального воспитания.

³Прежде чем объединять понятия, нужно видеть, что понятия ясны и различны, а слова однозначно определены. Никто не может ясно мыслить без четких понятий. Когда понятия четки, мышление – это просто игра, почти автоматическая процедура, и решение приходит само собой, так сказать. Расхождения во мнениях в большинстве случаев происходят из-за нечеткости или существующих фикций.

⁴Определение понятий, относящихся к материальной реальности, осуществляется путем обращения к этой реальности и ее объективного, фактического и критического рассмотрения. Без опыта этой материальной реальности понятие едва ли лучше фикции. В понятийном мышлении исследуется одинаковая группа объектов, в принципиальном мышлении – группа понятий, в системном мышлении – объекты целой системы. Однако большинству людей не хватает способности визуализации, и они вынуждены прибегать к вспомогательным конструкциям. Таким образом, под понятиями многие люди понимают слова, которые были связаны с картинками памяти характерных общих качеств, так называемых существенных квалификаций понятий. В этом случае определение понятий означает, что условное содержание реальности, связанное со словом, становится более ясным или вообще изменяется.

⁵Почти все наши представления требуют критического рассмотрения. Вся наша понятийная жизнь изобилует фикциями: представлениями, не имеющими аналогов в реальности. Они являются вспомогательными понятиями и, подобно гипотезам, незаменимы. Но их следует без колебаний заменить более целесообразными. Представления, которые явно непригодны или положительно ложны, должны постоянно устраняться. Это устранение едва ли требует большего труда, чем усвоение новых идей. Но при этом мы должны действовать очень осторожно. Многие конструктивные понятия являются необходимыми вспомогательными средствами для постижения до тех пор, пока мы не приобретем объективно обусловленное сознание соответствующей реальности. Вспомогательные понятия делают возможной ориентацию и относятся к числу вспомогательных средств для понимания. Отвергать эти средства, не заменяя их более точными и эффективными, значит препятствовать интеллектуальному развитию.

⁶Философия есть критика понятий, и как таковая она необходима. Интеллектуальное развитие – это непрерывное, нескончаемое изучение понятий и определение понятий в результате углубленного познания действительности.

1.28 Логика

¹Логические доказательства оказали неотразимое внушающее влияние на разум. Они увлекали не только античность, но и схоластику. Математическая индукция Евклида долгое время рассматривалась как модель научного изложения. Как показал Шопен-

гауэр, наглядное доказательство геометрии превосходит ее логическое доказательство, которое делает прямо определенное опосредствованно определенным. По сей день аристотелевская формальная логика вводит в заблуждение тех, кто думает, что формальная логика – это путь к знанию. Но такого рода логика не дает никакого знания. С помощью логики вы можете «доказать» только то, что уже знаете.

²Логицисты делают разум хозяином ума, а ставят логику выше фактов. Действительное значение «логической необходимости» ясно из абсолютных доказательств элеатиков, софистов и схоластов.

³Логическая дедукция идет от всеобщего к особому. Этот способ имеет вид открытия. Но дедукция только выясняет то, что ранее было включено во «всеобщее». Уже Лейбниц доказал, что логическая и математическая индукция состоит в последовательном следовании цепочке тождеств шаг за шагом. Доказательство выявляет то, что «потенциально» включено в предложение. Он утверждал, что обобщение не логично, а психологично, что индукция научна в той мере, в какой она является вычислением вероятности, и что логика не ведет к научным открытиям (которые являются результатом сиюминутного вдохновения).

⁴В своей работе «Количественный способ рассмотрения в логике» Фален показал, что в понятии, или логике, неправильно различать форму и содержание, что это различие сделало возможным построение так называемого третьего закона мышления, повлекло за собой количественный, а не качественный или объективный способ рассмотрения и допустило знакомые неопровержимые софизмы. Соответственно, пространство и время, пространственные и временные величины, будучи только понятиями, не являются количественными продуктами. Деление на большие или меньшие единицы (бесконечное пространство, бесконечно малые частицы и т. д.) являются математическими построениями.

⁵Не существует универсальной логики, производящей знание. Любая формальная, схематическая, механическая, математическая логика подразумевает или предполагает квантификацию. Логика – это внутренняя логика предмета, и каждая качественная область имеет свою собственную логику. То, что мы получаем через схематическую логику, – это своего рода интеллектуальная игра с тривиальными или неразрешимыми положениями, или растворение понятий. Огромный вред был причинен с помощью дедуктивной и индуктивной, а также математической логики. Можно было бы признать значение логики как умственной гимнастики, если бы она одновременно не стереотипизировала и не догматизировала способность мышления. История философии – это лишь один великий пример того, что философы не постигли проблем реальности, и что логика привела к непоправимым догмам.

⁶Согласно Лейбницу, логические истины аналитичны, а их самоочевидность – следствие используемых определений. Он называл эмпирические суждения синтетическими и утверждал, что математические суждения являются синтетическими *a posteriori* (полученное из опыта), а также что не существует никаких синтетических суждений *a priori* (заранее известное). В этом он, несомненно, был прав, в отличие от Канта, который сделал свою фиктивную конструкцию позже.

⁷Закон мышления можно рассматривать как единый, хотя он может быть сформулирован двояко: как тождество или не-тождество.

⁸«Логическое» мышление – это иногда работа воображения, иногда автоматическая, иногда бессознательная. Если она представлена как формально-логическое мышление, то способ вывода – это рационализация. Никто не думает так, как учит формальная логика. Формальная логика включает в себя все способы вывода, которые относятся к так называемому третьему закону мышления. Истинная логика – это объективность.

⁹Логический процесс – это довольно простой процесс, который работает со сход-

ствами и расхождениями, точками согласия и отклонениями. К этому процессу пояснения можно отнести и те процессы предчувствия или инстинкта, которые ищут сходства при расхождениях и расхождений в точках кажущегося согласия. Результаты впоследствии проверяются на объективном опыте, если человек хочет быть убежденным. Без этой проверки логическое легко будет ошибочным. Логике было придано значение, далеко выходящее за пределы ее истинного значения. Любая умственная работа называется просто логической, хотя ее скорее следовало бы назвать психологической. Подготовительная работа, проделанная подсознанием, его вклад в работу размышлений, был упущен из виду. Можно привести веские доводы истинности гипотезы о том, что человек «думает» более бессознательно в течение 24 часов, чем сознательно в течение целого года. Соответствующие реалии были очень мало рассмотрены. Когда сознание работает над какой-то проблемой, идеи внезапно возникают и вписываются в ментальные конструкции. Мы часто не замечаем, что пытаемся построить логический процесс из полученной идеи и представить эту идею как результат логического вывода. Будет ли идея представлена в результате индукции или дедукции, в этом случае будет вопросом конструктивной целесообразности. Философы построили целые системы мышления, предназначенные для того, чтобы привести к тому неизбежному заключению, которое они первоначально имели как идею. Жонглирование умозаключениями удерживает очарование как от волшебства и парализует рассудительность. С помощью логических доказательств вы можете убедить невежественных в чем угодно.

¹⁰Логика – это также тот технический процесс сцепления, который связывает различные моменты в непрерывную цепь мыслей, и тот метод последующей проверки, который прослеживает за тем, что требование логического определения выполнено, что дело, подлежащее доказательству, доказано. Чем убедительнее это будет сделано, тем сильнее будет и мнимое доказательство.

¹¹Логика включает в себя демонстрацию нелогичного. Истинное опровержение состоит в демонстрации ложности идей или объективной несостоятельности выводов.

¹²Многие люди думают, что опровержение делается путем указания на формальные противоречия. Однако обычно такое происходит из-за неподходящей формулировки, небрежности в языковом выражении, недостаточной проработанности материала. Они вовсе не обязательно подразумевают какую-либо фактическую ошибку или ошибочность рассуждений. Противоположные утверждения иногда приобретают действительность благодаря тому ограничению, которое они налагают друг на друга. Именно эта относительность часто оправдывает парадоксы.

¹³Наиболее распространенное «опровержение» вы делаете, исходя из других посылок и других предположений, критикуя с других исходных точек. Используя этот «метод», вы можете «опровергнуть» все, что угодно.

¹⁴Нет таких антиномий разума, которые утверждал Кант. Гегельянский тезис-антитезис-синтез-диалектика также зависит либо от объективного незнания и отсюда возможных противоречивых гипотез, либо от смещения абсолютного и относительного, либо от смещения логического и языкового способов выражения. Мы выражаем себя в абсолютных, а не относительных утверждениях. Если бы язык содержал ряд легко управляемых релятивизмов, то оказалось бы, что отсутствие относительности зависит от объективного невежества. По-видимому, логический формализм задержал понимание общего значения относительности. Критерий разума – это реальность. Противоречие подразумевает непонимание, невежество. Разум полон противоречий из-за своей ошибочной разработки содержания смысла. Если субъективное и объективное противоречат друг другу, то вина лежит на субъективном. Наша субъективность в сочетании с нашим объективным невежеством приводит к тому, что реальность

кажется нам нелогичной, так же, как логика более глубокого осознания часто кажется нелогичной более простой логике невежества.

¹⁵Наконец, несколько слов о логике пословиц, тех самых пословиц, которые составляют оглуляющее «сокровище древней мудрости». Они были первые попытки первобытной мысли создать теорию. Они все еще используются простыми умами в качестве логических аргументов для подтверждения истинности всевозможных утверждений. Они являются слишком широкими обобщениями, могут быть применены любым способом и доказывать все, что вы хотите доказать; таким образом, они доказывают слишком много и, следовательно, вообще ничего.

1.29 Критика

¹Критика – это метод научного исследования. Эта критика есть объективный, фактический, безличный анализ содержания знания. Критика, будучи непрерывным совершенствованием разумом своих умственных построений, есть неизбежное требование разума.

²Критика есть утверждение права разума против всех догматических притязаний. Вся наша интеллектуальная жизнь изобилует фикциями, всевозможными нежизнеспособными или жизневраждебными догмами. Догмы существуют во всех областях человеческого мышления. Таким образом, существуют религиозные, моральные, политические, научные, философские догмы. Догмы являются антитезами интеллектуальной свободы и противодействуют стремлению к свободному и правильному мышлению. Можно назвать догмой такое построение мысли, которое объявляется действительным на все грядущие времена, которое не должно подвергаться сомнению или оспариванию, или которого придерживаются, несмотря на то, что оно явно пережило свое время. Необходимость критики лучше всего осознается при изучении огромного количества интеллектуальных построений, которые последовательно принимались и отвергались на протяжении веков. Было бы весьма полезно изучить средний срок жизни этих «непогрешимых» мнений, теорий, гипотез. В таком предприятии вы, конечно, должны оставить без внимания такие построения, которые были продиктованы страхом или желанием и таким образом удовлетворяли эмоциональные потребности. Они по существу лишены разума и потому интеллектуально «неприступны». Непрекращающийся критический анализ сумел доказать, что полностью 99 процентов других построений являются ошибочными.

³Критический, объективный разум проводит различие между верой, мнением, постижением и обучением, а также между предположением и знанием.

⁴Вера – это неисправимое убеждение, абсолютизированное эмоцией, слепое принятие без осознания и понимания. Вера – это догма, которая была заложена на все грядущие времена и которая не должна подвергаться сомнению или проверке. Вера находится вне досягаемости разума, она враг разума и критики. Весь мир полон глупцов, которые верят. Во все верят. Все ошибки защищаются словами «я верил». Если бы люди научились различать то, что они знают, и то, чего они не знают, то более 90% всего, во что они верят, было бы полностью отвергнуто.

⁵Мнение – это не изучение. «Мало кто думает, но все хотят иметь свое мнение.» Они хотят иметь готовые мнения о как можно большем количестве вещей, чтобы знать, во что они должны верить и что они должны говорить. Эти обладатели мнений составляют «общественное мнение» с его фикциями, мнениями, домыслами, догадками, ложными фактами, устарелыми гипотезами и теориями, фрагментарным изучением и субъективными оценками.

⁶Постижение – это овладение материалом мысли в постепенном логическом процессе, или в упорядочении несистематизированного изучения в научное изучение.

Это не должно иметь ничего общего со знанием. Логика и чувство реальности не имеют ничего общего. Логицизм ставит умозаключение выше фактов и рассматривает отсутствие противоречий как доказательство непогрешимости. Однако разум – это инструмент для обработки фактов, а не критерий истины.

⁷Изучение не является гарантией знания. Изучение – это идеи, ложные факты, реальные факты, гипотезы, теории и т. д. методично добытые и систематически упорядоченные. Раньше они оценивали изучение выше, чем знания. Научное изучение давало «ясность». Ему не нужно было беспокоиться о каком-либо знании реальности, потому что реальность была всего лишь одной великой иллюзией. Логическая определенность была единственной существенной. До сих пор существуют дисциплины, которые в основном заняты фикциями.

⁸Предположение принадлежит к критическому методу. Предположение – это всегда вынужденное решение, временное прибежище. Верующий и сомневающийся, догматик и скептик одинаково не критичны. Критический человек исследует все, что он желает знать, или же он принципиально воздерживается от какого-либо мнения вообще. Он исходит из того, что изучение является необходимым предварительным условием познания и необходимо для ориентации (песок, который нужно промыть, чтобы найти золотые крупинки), что оно может иметь относительную ценность. Он откладывает свое окончательное суждение до тех пор, пока новые факты по этому вопросу не исключены.

⁹Знание – это знание фактов и состоит из систематизированных, окончательно установленных фактов. Факты естествознания получаются из материальной реальности, психологические факты – из реальности сознания. Знание дает осознание, которое является рассудительностью чувства реальности в вопросах, касающихся знания. Осознание проявляется в правильном предсказании и безупречном техническом применении.

¹⁰Есть два вида критики: положительная и отрицательная.

¹¹Положительная критика хочет достичь положительного результата. Она желает осознания и ясности, чтобы приобрести идеи, если это возможно, и освоить все, что она может. Она пытается понять замысел автора и как бы помочь ему примирить кажущиеся противоречия. Она охотно признает заслуги.

¹²Отрицательная критика является самой распространенной. Она хочет «критиковать», отклонить, отвергать. Такого рода критика – это критика эмоционального мышления, догматическое неприятие под предлогом объективной критики. Только не критичные люди считают это «опровержением». Эмоциональное мышление не имеет права высказываться перед форумом критического разума. Любое негативное отношение не критично и также оказывает ограничивающее влияние на интеллект. Критиковать достаточно легко. Каждый читатель, имеющий такое намерение, может это сделать. И догматизм, и скептицизм относятся к эмоциональному мышлению.

¹³Важно, чтобы мы не ограничивались тем, что было исследовано, чтобы мы не отвергали ни одной идеи только потому, что она кажется нам чуждой, невероятной или невыгодной. Важно исследовать каждую новую возможность познания. Мы слишком мало знаем, чтобы позволить себе пренебречь малейшей возможностью расширить область наших знаний. Все новое и незнакомое большинству людей кажется невероятным с первого взгляда. Люди должны привыкнуть к новому представлению, каким бы правильным оно ни было. Будучи постоянно вдальблываемыми в сознание людей, даже абсурды в конце концов становятся хорошо известными, привычными и кажутся вероятными или правильными. Большинство не хочет слышать ничего, кроме того, что они «слышали раньше». Те, кто считает себя критичным, не хотят принимать ничего, что не может быть вписано в их прежнюю систему мышления. Одно мгновение размышления должно подсказать им, что если их мир представлений так верен, то они должны быть

почти всеведущими. Тот, кто перестал усваивать любые знания, которые могут быть найдены в том, что противоречит его собственной системе мышления, оказывается пленником в тюрьме своего собственного мышления и завершил свое интеллектуальное развитие.

¹⁴Все отброшенные суеверия, все упраздненные гипотезы когда-то были объявлены авторитетами истиной. Во все века, во всех областях авторитеты с абсолютной уверенностью провозглашали последнюю истину как окончательную истину.

1.30 Что есть истина?

¹Для большинства людей истина – это все, во что они хотят верить. С разумной точки зрения истина – это согласие мысли и реальности, то есть знание реальности. Истина как единое целое, полное знание всей реальности – вот конечная цель исследования.

²Злоупотребление словом истина, конечно, привело к обычному смещению понятий, так что для большей ясности необходимо различать довольно много истин. Некоторые из них перечислены здесь:

- истины математических дисциплин
- истины экспериментальных дисциплин
- истины описательных дисциплин
- истины спекулятивных дисциплин
- исторические истины
- политические истины
- истины общественного мнения
- религиозные истины
- личные истины

³Различные уровни интеллекта, так сказать, можно отличить в принятии истин, начиная с уровня, характеризующегося некритическим принятием всего сказанного, вплоть до наибольшей критической способности.

⁴Самый низкий вид – это некритическое принятие. В какую-то вещь верят, потому что кто-то ее сказал или «прочитал в газете». В это верят, потому что оно кажется привлекательным и разумным. В это верят, потому что авторитет кажется симпатичным и заслуживающим доверия. В это верят, потому что в это верят и другие. С логической точки зрения вера в авторитет – это регресс в бесконечности: А верит в это, потому что В сказал это, В верит в это, потому что С сказал это и т. д. до бесконечности. Вера в авторитет и презрение к авторитету одинаково догматичны. Суждения, конечно, бесполезны без непосредственного знания или личного изучения этого вопроса. Высший вид суждения – это научное требование экспериментального доказательства или фактов, устанавливаемых всеми.

⁵В вопросе суждения они стремились различать понятия возможности, вероятности и реальности. Количественная вероятность – это всего лишь математическая формула частоты, предел относительной частоты. По логике вещей, вероятность совпадает с возможностью, кроме того, что она представляет собой смутную попытку придать определенную ценность реальности недостаточному опыту или ввести градацию от разумно оправданного до действительно разумного. Предполагается, что вероятность – это обоснованная возможность, а значит, возможность с веским основанием для себя, предположение, основанное на определенных, хотя и недостаточных фактах.

⁶Что касается личных истин, также называемых прагматическими истинами, жизненными истинами; их полезность, эмоциональная ценность, жизненная ценность определяет их ценность. Этот вид субъективной (возможно, также коллективной) истины иногда путают с истиной как понятием, определенным теорией познания. Согласно Шопенгауэру, большинство изучающих философию стремятся не к познанию реаль-

ности в философии, а к доказательству или защите своих личных убеждений, своих ранее сформированных систем верований.

⁷Все, что дает уверенность, называется истиной. Следовательно, для того чтобы судить об истине, необходимо исследовать различные виды уверенности. Уверенность можно разделить на абсолютную уверенность, объективную уверенность и субъективную уверенность, а также на эмоциональную уверенность, уверенность ума и уверенность разума.

⁸Математические и дедуктивные доказательства дают примеры абсолютной уверенности. Они доказывают только то, что мы уже знаем.

⁹Опыт материальной реальности дает объективную уверенность, потому что эта реальность снабжает разум своим содержанием реальности. Точное знание невозможно без опыта. Даже математика была бы немыслима без эмпирических аксиом. Геометрия состоит из пространственных отношений, полученных с помощью абстракции. Эти отношения суммируются в ряд утверждений, правильность которых доказывается ссылкой на еще более основные утверждения, пока не будут получены те утверждения, которые не могут быть доказаны, аксиомы. Лобачевский доказал, что геометрия не является априорной дисциплиной и что евклидовы аксиомы, безусловно, не единственно верны, построив новую, непротиворечивую и вполне пригодную для использования геометрическую науку. Опыт дает объективную уверенность, открывая законы природы. Без опыта представление может быть фикцией. Тот, кто не проверяет свое суждение в объективном опыте, лишен самой большой возможной уверенности в правильности своего суждения. Истины описательных дисциплин являются примерами обоснованной объективной определенности. То, что значительная часть реальности находится за пределами объективного опыта, возможно, даже за пределами возможности такого опыта, ни в малейшей степени не уменьшает потребности в опыте как наивысшем возможном критерии истины. Если от этого требования отступаться, то ничто не гарантирует, что то, что выдается как реальность, является реальностью.

¹⁰Вера и предположение дают субъективную уверенность. Вера – это эмоциональное слепое принятие мнения и желание придерживаться его, независимо от степени его разумности. Вера неизменна и запрещает критику. Предположение основано на разумных аргументах, оно лишь временно допустимо, пока не появится более разумная гипотеза, предполагает разумную критику и отвергает эмоциональное мышление и догматизацию.

¹¹Эмоциональная уверенность индивидуальна и не имеет никакой объективной ценности. Конечно, эмоция воспринимает свою уверенность как абсолютную. Для эмоции нет никакого различия между возможностью и реальностью, но она просто определяет, что должно быть истинным.

¹²Уверенность ума несравненно более надежна, чем уверенность разума. Уверенность ума есть выражение индивидуального опыта, тогда как уверенность разума может быть основана на фикциях, догмах, гипотезах. Догматическая уверенность может, с объективной точки зрения, рассматриваться как невероятная уверенность и ошибочная уверенность. Политическая теория, общественное мнение, традиционные способы рассмотрения являются примерами первого. Последнее включает суеверия.

¹³Необходимость или неизбежность могут быть абсолютной, объективной и субъективной. Абсолютная необходимость находится в законе мышления. Где бы ни была получена абсолютная необходимость, ее неизбежность зависит от «это есть это» мышления, как и в случае математических доказательств. Законы природы представляют примеры объективной неизбежности. Примером субъективной («психологической») необходимости является детерминизм: действие определяется сильнейшим мотивом.

¹⁴Путь к истине для человечества – это в общем и целом путь отброшенных ошибок. Истина – это то, что остается после всех совершенных ошибок. Почти каждая ошибка когда-то называлась истиной.

¹⁵Что касается других дисциплин, люди понимают, что они должны приобрести знание необходимых фактов, прежде чем выражать свое мнение. Что же касается философии, они воображают себя способными сразу высказывать свое мнение по самым трудноразрешимым вопросам.

1.31 Ум и разум

¹Ум – это объективность. Разум – это субъективность. Ум – это непосредственное, прямое, неразмышляющее переживание реальности, реальности как материи, так и движения и сознания. Содержание ума – это факты действительности. Разум – это инструмент для выработки содержания ума. Через чувственные восприятия ум объективно определен, непосредственно определен материальной реальностью. Фантазии больного ума – это не чувственные восприятия, а ментальные конструкции. Ошибки субъективистов заключаются в субъективизации опыта отождествляющего ума. У животных ум преобладает. Способность животных к существованию, их превосходство в восприятии реальности (более острое зрение, слух, обоняние, осязание), часто проявляемые, действительно, достаточны для доказательства приоритета ума.

²Разум – это способность к представлению (образам памяти), размышлению, абстракции (понятиям), умозаключению, суждению (построению) и систематизации.

³Представления можно разделить на два вида: реальные представления и сконструированные представления. Реальное представление – это воспроизведение пережитой реальности, умственного восприятия. Сконструированное представление – это построение более или менее фиктивных понятий, конструкции воображения.

⁴Понятия бывают двух видов: реальные понятия и сконструированные понятия. Реальное понятие – это резюмирующий обзор взаимно связанных реальных представлений некоторой определенной одинаковой группы. Сконструированные понятия бывают самых разных видов – от самых реальных до самых фиктивных. Сконструированные понятия включают в себя абстрактные понятия, построенные из более или менее существенных, доказуемых качеств, свойств, характеристик некоторого определенного представления или представлений некоторой определенной одинаковой группы. Если только одно фиктивное определение включается в конструкцию, то конструкция становится нереальной. Сконструированные понятия, конечно, включают в себя все понятия, которые не имеют четких представлений о реальности, которые вообще не имеют таких представлений или более или менее забыли их. Многие люди «мыслят» словами, к которым они прикрепили смутные, условные обозначения. Принципы – это построенные понятия, это как бы понятия понятий, абстракции от абстракций. Их также можно назвать едиными, сводными или системными понятиями.

⁵Благодаря деятельности своего ума ребенок уже в первый год жизни автоматически вырабатывает правильные «инстинктивные» представления о ряде качеств, принадлежащих к материальной действительности, которые впоследствии благодаря деятельности разума будут сформированы в понятия. Автоматизм ума – это главным образом инстинктивный, механический процесс – один из многих, постоянно происходящих в подсознании, – который превращает переживаемую множественность в те единицы восприятия, которые делают деятельность ума возможной или облегчают ее. Эти единицы заставили философов различать логически и психологически первичное. На более высокой ступени развития разума, этой деятельности соответствует концепция идей, которая есть также процесс обретения единства.

⁶Например, восприятие пространства развивается путем наблюдения форм материи, а

восприятие времени – путем наблюдения различных видов временных интервалов. Как математическое понятие, пространство строится определениями его трех измерений точно так же, как другие математические основные понятия строятся из элементов опыта, которые дает ум.

⁷Ум предоставляет необходимые условия, материал реальности для описания реальности или констатации фактов. Разум перерабатывает этот материал путем размышления. Если результат неверен, то это вина не ума, а разума. Ум наблюдает за движением Солнца по небу. Объяснение разума, что это происходит потому, что Солнце движется, а земля стоит неподвижно, неверно. Некоторые вводящие в заблуждение оптические преломления («оптические противоречия») ум будет исправлять путем постоянного наблюдения. Правильные объяснения разума обычно пришли много позже. Разум получает весь свой материал реальности и материал знания от ума. Разум – это наша способность к обработке, расследованию и конструированию. Последующая проверка всегда доказывает правильность ума. Наши ошибки начинаются с обработки разумом, с гипотез, теорий и всех других видов объяснения.

⁸Субъективисты совершили кардинальную ошибку, сделав восприятие объективным сознанием субъективным. Мысль субъективна и овладеет всем субъективным. Как только объективность была превращена в субъективность, мысль стала суверенной, и путь для субъективистских фантазий был расчищен, например: ничто не существует, кроме сознания; или: все существует посредством сознания. Субъективизм концентрируется на сознании, исключая все остальное, как если бы сознание было просто субъективным; и не делает различия между восприятием сознания как субъективной или объективной определенностью. Сознание может быть субъективно или объективно определено. Сознание объективно определяется материальной реальностью. Мышление объективно определено, когда мысль придерживается опыта материальной реальности.

1.32 Реальность

¹Реальность состоит из следующих трех непосредственно данных и самоочевидных абсолютов: материи, движения (силы, энергии) и сознания. Они являются предельными объяснительными элементами всего сущего. Они объясняют себя своими способами бытия и не могут быть далее объяснены, а только установлены всеми. Ни дуализм, ни психофизический параллелизм не могут объяснить происходящее, поскольку энергия, будучи необходимой, отсутствует в этих системах.

²Естественная наука, будучи нашим источником объективного знания, и технологии полностью доказали (требование дальнейших доказательств лучше свидетельствует о том, как субъективистам удалось дезорганизовать мышление), что видимая и также невидимая, еще только частично исследованная реальность, есть материальная реальность. Нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что эта еще не исследованная часть будет чем-то иным. Конечно, субъективисты отрицали, что невидимая реальность также может быть материальной. Они приняли традиционную гипотезу, что так как материальная реальность видима, то невидимая реальность (ее «основа») должна быть чем-то другим и, следовательно, субъективной.

³Почему им было так трудно идентифицировать три непосредственно данные реальности, зависит от того, что самоочевидное является самым трудным для обнаружения и что субъективистские теории ввели в заблуждение и перепутали их рассудительность. Для древних, которые постигали реальность так, как она непосредственно дана, так называемая проблема реальности теории познания не была проблемой, которой, несомненно, она не является. Философы, которые исключительно культивируют свой разум, в конце концов незаметно оказываются в субъективизме. Те, кто не использует постоянно свой ум как критерий истины, рискуют все больше удаляться от реальности.

Единственный критерий истины – это факты действительности. Схоластическое презрение к уму привело к полной дезориентации. Теории и фикции в конце концов становятся самоочевидными и неизбежными. Более того, изучающие философию загипнотизированы властью языка над мышлением, чтобы принять субъективизм, поскольку общепринятые философские термины были придуманы субъективистами.

⁴Субъективистская философия исходит из догматического сомнения в данной реальности, самой самоочевидной из всего очевидного, материальных объектов. Предполагая их существование до того, как философия это допустила, субъективисты называют «догматическим реализмом»!! Во-первых, материальная реальность должна быть изгнана прочь. Это делается путем объявления философии «безусловной». После этого реальность должна быть вызвана снова, как простой продукт сознания. Они должны доказать реальность реальности (!!) и абсолютность абсолютного (!!). Они создали трудности из фантазий психотических умов и идиотских вымыслов неразвитых умов, и чтобы избежать их, субъективисты принимают абсурдные конструкции сверхобразованных философских умов. Субъективисты называют этот метод «критическим разумом».

⁵Философия не более безусловна, чем все остальное. Она должна исходить из непосредственно данной реальности. Ее задача – дать нам знание об этой реальности. Субъективисты не могут этого сделать, а только отбросили ее. Они заменяют реальность или то, что самоочевидно, своими произвольными фикциями, которые часто строятся так, чтобы быть непонятными.

⁶Если бы объективная реальность была только субъективно определенной реальностью, то не было бы никакой объективной реальности, и объективное знание было бы невозможно. Если бы знание объектов материальной реальности не было непосредственным, то знание внешних объектов, даже знание любого рода, было бы невозможным. Если бы сознание было чистой субъективностью, то субъективная реконструкция материальной реальности сделала бы знание иллюзорным. Если бы мы постоянно не сталкивались с материальной реальностью, то понятия, которые мы выводим из этой реальности, вскоре утратили бы свое содержание реальности. Субъективность или объективность сознания определяется содержанием сознания. Когда сознание наблюдает материальную реальность, его содержание объективно. Когда сознание наполнено абстрактными представлениями (понятиями), эмоциями и т. д. его содержание субъективно. Сознание может быть одновременно объективным и субъективным.

⁷Реальность такова, как ее воспринимает ум. У нас нет никаких оснований отказываться от восприятия реальности, предоставляемого умом. Если же мы все же сделаем это, то реальность можно будет фальсифицировать почти во что угодно. И это было сделано. Ни один абсурд не остался непроверенным в попытках сделать реальность простым продуктом сознания. Для субъективистов материя – это мерзость, которая должна быть устранена всеми возможными способами. Восприятие действительности, предоставляемое умом, должно быть названо правильным, насколько это возможно. Естественные исследования показывают нам, что материальные предметы содержат гораздо больше, чем может быть непосредственно воспринято умом. Однако это ни в малейшей степени не опровергает восприятие умом. То, что добавляется через дальнейшие научные открытия неизвестных свойств материи, только увеличивает наши знания об объектах. Материя – это необходимая объяснительная основа объективной реальности. Материя абсолютна. Если бы свойства материи были категориями в сознании – абсурдная попытка объяснения, предпринятая субъективистам – то нам не нужно было бы открывать их естественными исследованиями; было бы невозможно примирить или объяснить противоречивые чувственные восприятия в дальнейших объективных исследованиях; различие между индивидуальными восприятиями было бы еще больше;

и несравненно более сильная уверенность из всех, объективная уверенность, полученная из результатов, окончательно установленных в экспериментах, вообще не давала бы никакой уверенности.

*

⁸Субъективисты совершают несколько основных ошибок мышления, когда пытаются построить проблему реальности так, как она сформулирована в теории познания. Они пытаются устранить материальную реальность, которая прямо и непосредственно дана сознанию. Они отрицают объективное существование объективно данной материальной реальности. Они выдвигают абсурдное требование о том, что реальность должна быть восприимчива к логическому доказательству своего существования, чтобы называется реальностью; то есть, это должно быть возможно доказать, что абсолютен – это абсолютен. Абсолютное всегда непосредственно дано и не может быть доказано, оно может быть только установлено как непосредственно данная реальность.

⁹Субъективизм – это либо логицизм, либо психологизм. Логицизм хочет объяснить реальность логически, как если бы она была продуктом логики. Понятие реальности, однако, является собирательным: совокупностью различных видов реальности, непосредственно постигаемых или устанавливаемых посредством исследования. Психологизм ищет объяснения в психологическом исследовании чувственных восприятий, которое, конечно, привело к попыткам доказать, что объективная материальная реальность состоит из субъективных чувственных восприятий. Однако они не могут таким образом объяснить те новые свойства материи, которые современная наука открывает с помощью приборов почти ежедневно. Они также не могут объяснить реальное существование объектов, их существование независимо от сознания. Объекты присущи сознанию не больше, чем фотографической пленке. Все попытки субъективизма субъективизировать объективно данное потерпели неудачу, потому что, будучи абсурдными, они должны потерпеть неудачу.

¹⁰Как физический объект становится воспринимаемым посредством нервных и мозговых процессов, – это физиологическая проблема, которую психологи могут попытаться решить. Это не проблема теории познания. Объекты – это то, что они есть, а не что-то другое. Ум воспринимает физические объекты в соответствии с законом мышления или отождествления, который гласит: «Это есть то». Утверждение «мы не видим объект таким, каков он есть» является логически и фактически ошибочным – пусть у психологов будет своя теория световых вибраций. В вопрос о том, являются ли «объекты тем, чем они кажутся», уже было введено обманчивое понятие видимости. С логической точки зрения объекты материальной реальности даны непосредственно, и это никак не может привести к возникновению какой-либо логической проблемы. Факты есть факты, и они не могут быть устранены или «опровергнуты» теориями, как всегда считали философы. До тех пор, пока реальность истолковывается теориями и логическими доказательствами вместо того, чтобы быть пережитой, до тех пор субъективизм, либо логистского либо психологистского рода, будет продолжать вводить чувство реальности в заблуждение.

¹¹Субъективизм начался с Локка, у которого была причуда, что если мы начнем с психологического исследования знаний, полученных объективно, мы сможем установить объективную правильность и логическую устойчивость этих знаний. Эта идея должна была сбить философов с пути истинного, начиная с 1690 года. Никто, кроме Хедвалля (Hedvall), в 1906 году, не понял, что превращение материальной реальности в «психологию» является основной ошибкой. И эта фикция все еще преследует. Однако объекты не являются чувственными восприятиями, и только научные исследования могут дать нам подробные и глубокие знания о них.

¹²Деление реальности на первичные и вторичные качества у Локка, деление ее на явление и вещь в себе у Канта – роковые заблуждения. Локк исходил из известного факта, что восприятие определенных качеств материи может варьироваться и может у некоторых индивидов отклоняться от нормального. Он считал себя вправе заключить из этого, что цвета, звуки, запахи и т. д. субъективно обусловлены. Даже если такое положение вещей может быть в некотором отношении фактом, поскольку дивергентное восприятие может зависеть от дефектов в органах восприятия, все же неверно пытаться лишить материю соответствующих свойств только потому, что они по-разному воспринимаются разными индивидами. Чтобы поддержать это ошибочное предположение, Локк совершил роковую ошибку, проводя различие между первичными и вторичными качествами, свойствами материи. Он считал первичными те, которые воспринимаются всеми одинаково; вторичными – те, которые могут восприниматься по-разному. Первичные должны рассматриваться как объективные, вторичные – как субъективные. Эта ошибочная теория познания дала последующим философам толчок построить абсолютную субъективность. Как только начало было положено объявлением некоторых качеств материи исключительно субъективным восприятием индивида, конечным результатом было, разумеется, то, что материя была лишена всех своих качеств, пока Кант не рассматривал материю только как нечто лишенное качества (!!), о котором ничего нельзя знать и которое уже Фихте считал излишней гипотезой!! Кант также допустил ошибку, сделав существенное различие между видимыми и неисследованными качествами объектов. Только благодаря фикциям и несостоятельным построениям Канту удалось избежать логически необходимого после его ошибочного предположения вывода о том, что мы ничего не можем знать о тех самых вещах, которые являются объективным основанием и критерием нашего познания: о самих предметах.

¹³Говоря о Канте, являющемся основой и источником сразу же последовавших субъективистов, следует также добавить, что он внес большой вклад в дезориентацию философии, чем кто-либо другой. Кант является лучшим доказательством того, что без знания (фактов исследования) острота ума и искусство логического вывода просто производят несостоятельные или вводящие в заблуждение построения.

¹⁴Наконец, замечание о малоизвестном уппсальском философе Карле Хедвалле (Karl Hedvall). Он раньше всех показал (в 1906 году), что непосредственное, безотчетное восприятие действительности, предоставляемое умом, есть единственно правильное. К сожалению, однако, ум имеет большой недостаток в том, что он незащищен перед теориями разума. Это непосредственное самоочевидное осознание знаменовало собой новую эпоху в истории философии и повлекло за собой революцию мышления, прояснив логическую несостоятельность и фактическую ошибочность субъективизма.

1.33 Пределы знаний

¹Мы все еще очень далеки от всеведения. Технология, прикладные дисциплины естествознания, является одним критерием нашего знания реальности. Другой критерий – это безошибочное предсказание. Нам еще многое предстоит сделать, прежде чем мы сможем предсказать все, что произойдет. Применение показывает то, что мы знаем, предсказание в основном показывает то, чего мы не знаем.

²Каждое новое научное открытие изменяет пределы познания. Чем больше мы открываем, тем глубже становится наше осознание и понимание того, что наше знание ограничено или относительно. Если бы мы обладали достаточным знанием, то жизнь представлялась бы нам как ряд необходимостей, а не как бесконечный ряд совпадений.

³Мудрый должен согласиться с Сократом. Оракул объявил его самым мудрым человеком в Греции. Оракул прав, считал Сократ, ибо я единственный человек в Греции, который знает, что он ничего не знает (не стоит знать). Если мы знаем только

часть реальности, то мы ничего не знаем о целом как о совокупности. И мы не знаем до тех пор, пока не узнаем это. То, что мы много знаем о части, – это совсем другое дело. Тщательно изученные области знания ежедневно показывают ограниченность этих областей, показывают нам, как мало мы знаем. Жизнь – это все еще нерешенная проблема, необозримый комплекс нерешенных проблем.

1.34 Мировоззрение и жизневоззрение

¹Первое, что мы обнаруживаем, – это материальная реальность. Относительно позднее мы начинаем открывать существование и значение сознания. Его значение настолько велико, что мы очень легко переоцениваем его.

²С психологической точки зрения мы ведем субъективную жизнь. Сознание – это свой собственный мир. Чувства и мысли составляют содержание этого субъективного мира, обладающего субъективным существованием и субъективной достоверностью.

³Большинство людей ведут эмоциональную жизнь, довольствуясь самой простой из возможных ориентаций разума ради получения средств к существованию. Те, кто начинает размышлять о жизни, таким образом приобретают идеи и начинают вести самосознательную субъективную жизнь. Вероятно, они мало подозревают, что таким образом они вступили в неисследованный мир сознания, столь же реальный субъективно, как материальный мир реален объективно.

⁴Само осознание того, что с психологической точки зрения сознание есть наше я и то, что наблюдает реальность, должно быть достаточным для демонстрации неизбежности субъективности. Критика субъективного направлена не на субъективность как таковую, а на произвольное субъективное, одностороннее и самодовольно субъективное или смешение субъективного с объективностью.

⁵В своих особых выражениях субъективное индивидуально, а в своих всеобщих выражениях – коллективно. Совокупность этой коллективной субъективности мы называем культурой. Объективность ведет к науке с техникой и к цивилизации, которая, безусловно, совместима с субъективной примитивностью и некультурностью.

⁶Именно к этому миру субъективности, вымысла принадлежало так много философов, хотя они сами этого не осознавали. В этом мире они нашли сферу для своего воображения и наделили человечество духовными сокровищами непреходящей ценности и красоты.

⁷Мир мысли наполняется идеями относительной достоверности. Время от времени мысль делает опись инвентаря своих идей. Если же обнаруживается, что существует беспорядок, то мысль стремится упорядочить идеи каким-то единообразным методом и тем самым строит систему. Таким образом, система – это способ, посредством которого множество идей становится разумным целым. Система – это педагогический метод проведения упорядоченного обзора в соответствии с возможностями группировки, присущими самому предмету исследования. Система выполняет свою задачу, делая возможным четкое обобщение и быструю ориентацию. Система заменяется новой системой всякий раз, когда добавляются такие идеи, которые не могут быть вписаны в старую систему.

⁸Мировоззрение или жизневоззрение – это такая система. Мировоззрение представляет собой обобщение знаний о материальной реальности и составляет основу жизневоззрения. Жизневоззрение – это обобщение более или менее разумного отношения человека к жизни, ее смыслу и цели, а также к людям и человеческим делам. Жизневоззрение включает в себя правовое представление, то есть то, что люди смутно называют моралью. Из своего жизневоззрения человек принимает нормы для своей оценки и точки зрения для своих действий.

⁹Мы можем сделать безошибочные построения. Мы делаем их в математике, так как

в этой дисциплине мы знаем все о том, что мы строим. Мировоззрение и жизневоззрение не могут достичь такой точности, не могут дать такой же уверенности, даже если ментальные конструкции могут быть сформированы таким образом, чтобы достичь такой же ясности. Однако эта ясность часто обманчива, что и показали философские системы. Они показывают, как трудно мыслить в соответствии с действительностью, как легко мы делаем ошибочные построения, как трудно нам освободить наш разум от ментальных построений, которые мы искусно соединили и внулили себе. Конечно, еще труднее, если вообще возможно, устранить эмоциональные комплексы, привитые нам в детстве. Ментальные конструкции часто уводят нас от реальности и препятствуют нашему пониманию реальности или построений, более правильных, чем те, которые мы приняли. Чем они сложнее, чем острее, глубже, чем больше труда дается на постижение, тем труднее по-видимому их заменить. Опыт показывает, что к сложным конструкциям следует относиться несколько скептически, так как пригодность и превосходство конструкции тем больше, чем она проще. Наука стремится к упрощению. Как это ни странно, но чрезвычайно простое, почти сразу же самоочевидное – самое трудное для обнаружения. Даже самые трудные проблемы могут быть в конце концов сформулированы так просто, что не критичный человек думает, что их решение настолько очевидно, что оно даже не должно было быть дано.

¹⁰Многие люди говорят, что они могут обойтись без системы. Так же, как вы можете «мыслить» без четких понятий, вы можете обойтись и без четко разработанной системы. Но результат в обоих случаях один и тот же: неопределенность, беспорядок, неуверенность. Без твердой системы чувство не имеет корней, эмоциональному мышлению дается больший простор, и индивид легче становится жертвой фикций и психозов. Система имеет гораздо большее значение, чем думают большинство людей.

¹¹Любая разумная система облегчает постижение реальности с того уровня научного развития, на котором она была построена. Правда, в то же время система ограничивает мышление и затрудняет большинству выход за пределы системы. Но системы – это всего лишь временные пределы исследований, и они заменяют друг друга по мере развития исследований.

¹²Мировоззрение предпочтительно должно строиться на твердых фактах и бесспорных результатах исследований. Более того, конструкция не должна вступать в противоречие с непосредственным восприятием реальности, предоставляемым умом. Как и каждая новая научная гипотеза, каждая новая система должна быть способна дать лучшее объяснение, чем старые объяснения. Что касается жизневоззрения, должна быть возможность требовать свободы мысли, чувства и действия в пределах, установленных правом других на ту же самую неприкосновенную свободу.

¹³Новые системы должны строиться всякий раз, когда появляются новые идеи, которые должны быть рассмотрены, для служения тем, кто сам не имеет возможности или способности формировать такие системы. Возможно, когда-нибудь удастся сделать систему настолько общей, что новые идеи не должны будут разрывать ее рамки, но могут быть вписаны в систему. Тем самым была бы приобретена твердость для всеобщего воззрения, и понимание пришло бы легче не только между современными индивидами, но и между различными поколениями. Такая система отвечала бы реальной потребности и противодействовала бы неразумности и суевериям. Для культуры это признание интеллектуального провала, что те, кто хочет иметь мировоззрение и жизневоззрение, чтобы ориентироваться, должны посвятить большую часть своей жизни таким вещам, которые можно было бы изучать в школе. Большинство людей остаются дезориентированными, и их потребность в ясности никогда не удовлетворяется.

1.35 НАУКА

¹Естествознание – это систематизированное изучение исследуемой части реальности. В собственном смысле слова наука – это исследование причин. Гипотеза о том, что исследуемая реальность – это лишь малая часть общей реальности, подтверждается тем, что новые научные открытия постоянно революционизируют способ рассмотрения, вместо того чтобы обосновывать сделанные предположения. Судя по всему, большинство вещей еще предстоит открыть и исследовать. Большинство законов все еще открыты как бы случайно. Пройдет еще много времени, прежде чем будут установлены все постоянные отношения. Еще многое предстоит сделать, прежде чем научное способ рассмотрения будет полностью осуществлен. Наука, исходя от закономерности всего, должна пройти долгий путь, прежде чем она продемонстрирует неизбежную взаимосвязь всего. Потому что если все в природе закономерно, то нет ни «совпадений», ни «вероятностей». Оба термина с достаточной очевидностью показывают все еще большую ограниченность нашего изучения.

²Принципиальное различие между исследуемым и неисследованным (например, при разделении реальности на явления, то есть иллюзорную реальность, и внутреннюю сущность вещей) состоит в том, чтобы практиковать то произвольное умозрение, которое называется метафизикой.

³Наука – это ментальные конструкции, гипотезы и теории, основанные на фактах, установленных и систематически упорядоченных. Гипотеза и теория – это методы, с помощью которых мы стремимся понять и объяснить факты, стремимся постичь реальность.

⁴Гипотезы – это предварительные предположения, временные объяснения, к которым прибегают для облегчения постижения вещей и событий. Они необходимы для понимания. Чем больше видов вещей объясняет гипотеза, тем больше ее ценность как основа объяснения. Она заменяется новой гипотезой, если последняя может объяснить лучше, объяснить больше видов вещей. Только невежество принимает гипотезу за какое-то окончательное объяснение или удивляется ее ущербности или недостаточности, проявляющейся рано или поздно.

⁵Теории – это сводки ограниченного опыта. При правильной формулировке они делают уже приобретенный опыт легко доступным и позволяют быстро ориентироваться. Тот, кто имеет все правильные теории в какой-либо области исследований, обладает накопленным человечеством опытом в этой области. Теории облегчают исследование реальности, которое необходимо для осознания. Самостоятельное мышление в какой-то определенной области всегда должно приводить к личным теориям. Поскольку эта теория редко применяется во всех – по-видимому – сходных случаях, она часто нуждается в индивидуализации, не должна считаться общезначимой и не должна применяться без изучения. Теория должна быть постоянно приспособлена к нескончаемым практическим открытиям.

⁶Теории и гипотезы дают нам ту ментальную гимнастику, которая нам необходима для того, чтобы постоянно совершенствовать теории и гипотезы. Без них и той ментальной подготовки, которую они делают возможной, научное мышление было бы сдержано и значительно затруднено. Делались попытки заменить теорию и гипотезу логикой фактичности, которая ограничивалась бы констатацией фактов, обобщением этих фактов и описанием изучаемых вещей. Отбросив теорию и гипотезу, наше исследование приобрело бы известное единообразие и видимость совершенного знания. Но неисследованное тем не менее осталось бы в реальности, даже если на его существование нельзя было бы ссылаться. Такая логика фактичности, отвергающая метод гипотезы, лишила бы нас рабочего метода, имеющего психологическую ценность. Гипотеза дает воображению материал для работы помимо ранее известных

фактов, то есть возможных фактов и возможных факторов. Когда воображение постоянно занято всеми относящимися к вопросу мыслимыми возможностями, это порождает предчувствия, которые приводят к ценным идеям. Именно благодаря бесконечной череде гипотез продвигается наука. Значение ментальных построений недооценивается, если полагать, что исследование может безопасно их опустить. На самом деле, мы были бы довольно беспомощны без этих конструкций. Объективные факты мало что значат без предварительной ментальной работы над ними. Музеи могут быть заполнены достоверными фактами, а библиотеки – описаниями, и единственным результатом этого все равно будет нарастающий хаос. Мысль открывает законы и объединяет их в обозримое и постижимое целое.

⁷«Мы погружены в океан невежества.» Строго говоря, все является проблемой. Объяснения редко уводят нас далеко. Всего несколько шагов, и мы натываемся на стену невежества. Мы способны проследить причинно-следственную цепочку, но очень короткий путь. Откуда мы это знаем, спрашиваем мы и вскоре остаемся без ответа. Есть, однако, такие люди, которые не могут воспринимать никаких проблем, фактовики, которым все понятно.

⁸Величайшим недостатком фактовика является его незнание 1) всех фактов, необходимых для окончательного суждения, и 2) действительно ли «факты» являются фактами. К первой категории принадлежат факты естествознания, ко второй – все те «факты», которые могут быть включены в число исторических фактов.

*

⁹Пространственные отношения, временные отношения и постоянные отношения суть определения разумом отношений материи и отношений процесса материи.

¹⁰«Закономерность» характеризует неизменность процесса материи или процесса природы лучше, чем «причинность». Закономерность указывает на существование постоянных отношений или законов природы. Это указывает на факт неизменности: если даны все условия, то неизбежно придет определенный результат. Все условия – это «истинные причины». Произвольно выбрать какую-то конкретную причину в качестве «истинной причины».

¹¹Закономерность подразумевает, что природа всегда повторяется во всеобщем. Это не означает, что сходные процессы в сходных вещах абсолютно идентичны во всех отношениях. Всеобщее, характерное, сущностное постоянно. Абсолютное тождество любой мыслимой наименьшей частности никогда не существует в природе. Именно всеобщее выражается в постоянном отношении.

¹²Всеобщая закономерность не может быть оспорена. Для этого потребовалось бы нечто совершенно отличное от тех поспешных выводов у слишком спекулятивных умов, которые мы видели до сих пор. Закономерность должна быть названа абсолютной. Если бы не было закономерности, камень не падал бы, нельзя было бы построить никакую работающую машину, нельзя было бы установить никакую научную формулу, нельзя было бы сделать никакое предсказание, и космос был бы хаосом. Можно бесконечно перечислять неопровержимые основания того, что закономерность неизбежна. У нас нет никаких разумных оснований предполагать какой-либо произвол в природе. Та научная метафизика, которая отрицает закономерность, потому что она не сразу открывает законы, так же ненаучна, как когда-либо была философская метафизика. Эти «натурфилософы» до сих пор, кажется, даже не научились осознавать ненадежность так называемых логических следствий.

¹³Трудность начинается с конкретных законов: решить, являются ли они истинными законами или нет. Потому что существуют отношения, которые можно было бы назвать возможными законами природы. Они включают в себя, среди прочего, законы

вероятности или статистические законы, которые указывают на общую тенденцию процесса, хотя и не являются каким-либо открытым истинным естественным законом, поддающимся формулировке.

¹⁴Истинный закон природы абсолютно действителен, то есть он без исключения неизменен. Те законы, которые после бесчисленных опытов с ними были признаны таковыми, должны считаться действительными как законы природы до тех пор, пока не встретятся исключения, касающиеся каждого конкретного закона. Такого исключения пока не было найдено. Единственное, что им удалось установить, – это то, что некоторые законы не имели той общей силы, которую они первоначально предполагали, но были действительны для более ограниченной области.

¹⁵Если завтра солнце взорвется, то астрономическое предсказание следующего солнечного затмения не сбудется. О взрыве мы ничего не знаем, ибо он является частью неизведанного. Но это ничего не меняет в отношении тех законов природы, которые позволяют предсказать затмение, ничего не меняет в отношении абсолютной действительности законов природы, действующих в данном случае. Это не превращает эти законы природы в законы вероятности.

¹⁶Естественная наука занимается поиском законов природы, а также формулированием таких законов. Без знания всех условий истинные законы природы не могут быть сформулированы. С другой стороны, «по самой природе дела теоретически невозможно доказать, что ряд вещей не подчиняется законам».

¹⁷Они произвели неправильное деление законов природы на качественные и количественные законы. Предполагалось, что качественные законы будут найдены в описательных дисциплинах, а количественные – в математических. Количественные законы легче поддаются обработке благодаря их математической формулировке. Однако эта легкость влечет за собой очевидные опасности и риски. Формулы производятся почти механически и обрабатываются так, как если бы они представляли нечто другое, чем тривиальность или фикцию.

¹⁸Используя статистику, они производят во всех областях кажущиеся постоянные соотношения, которые могут быть сформулированы математически. Результатом этого является огромный ущерб, как если бы эти формулы выражали сущностные реальности. Однако, чтобы иметь возможность сформулировать закон природы, они должны знать все факторы. В большинстве случаев они не знают, существуют ли неизвестные условия или число неизвестных. Количественные исследования с помощью вычисления вероятности поэтому не дают больше частот. Гетерогенные, качественно неопределенные реальности не могут быть объяснены, заменены или исчерпывающе определены количественными исследованиями. Статистика не может доказать существование закона природы. Только безошибочное предсказание является доказательством. В экспериментах, систематически варьируемых, все условия в конечном итоге будут известны.

*

¹⁹История науки и философии была в общем и целом историей суеверий, но также и историей борьбы неутомимой критики против предвзятых мнений невежества. Развитие науки можно суммировать в сравнительно немногих положениях. Но искать эти основные положения – тяжелая работа даже сегодня. Самое необходимое тонет в массе несущественного. Конечно, только знаток знает, сколько невероятного труда, иногда на протяжении многих поколений, стоили «очевидные» положения, сколько жертв они потребовали, не в последнюю очередь от тех, кто был у власти и поэтому имел патент на истину. Далее будут кратко прокомментированы только те положения, которые наиболее существенны для восприятия действительности.

²⁰Галилей был пионером современной науки и мысли. Он ввел принцип относительности, доказал необходимость наблюдения природы, установил, что теории реальности не могут быть приняты без исследования, но должны постоянно подтверждаться заново опытом. Он выводил «причины» из «следствий», то есть принципы теории из явлений. Он показал, что понятие движения является относительным понятием, что орбита или траектория различна в зависимости от того, какую систему координат вы используете, и при этом должны быть определены непрерывность, ускорение и параллелограмм сил. Он объединил метод гипотезы с использованием математических и экспериментальных методов.

²¹После Галилея Ньютон был основателем нашего представления о реальности. Ньютон утверждал, что мы ничего не можем знать о «сущности вещей» и «истинных причинах» событий. Эти проблемы являются излюбленными метафизическими проблемами философов и предметом догадок в бесконечных реконструкциях. Наука, однако, не может ответить на вопросы «что?» и «почему?» только на вопрос «как?» Естественная наука – это обобщение опыта. Последующая проверка всегда необходима. Задача науки состоит в том, чтобы, исходя от эмпирически данной реальности, обнаружить и сформулировать те точные законы, которые делают возможным предсказание. Ньютон сделал астрономию (небесную механику) точной наукой. Используя кеплеровские законы планетных орбит (рассчитанных по тщательным наблюдениям Тихо Браге), он открыл закон тяготения (притяжение тел прямо пропорционально произведению их масс и обратно пропорционально квадрату расстояния), и тем самым он смог доказать, что Николай Кузанский был прав в своей гипотезе, а Коперник – в своей теории вращения планет вокруг Солнца.

²²Вероятно, нет ни одного основного положения, которое рано или поздно не оказалось бы частью еще более общих положений. Это, однако, не опровергает их правильности, и без них нельзя было бы обнаружить более общие положения. Своей общей теорией относительности Эйнштейн, по-видимому, заставил физиков отвергнуть старое представление о времени и пространстве, поскольку в некоторых редких случаях оно оказалось недостаточным. Однако пока еще слишком рано делать такие выводы из его теории. Ибо кажется возможным дать этой теории более простую формулировку; а также могут существовать различные виды пространства и даже более четырех измерений. Таким образом, мы можем с уверенностью сохранить трехмерное пространство для большинства случаев. Вполне возможно, что существует целый ряд различных видов реальности и что различные представления о реальности одинаково верны, каждое в своей данной области.

²³Лейбниц, который вел переписку с Ньютоном и другими современными учеными, освоил их способы рассмотрения и понял, что познание реальности должно быть выведено из опыта, что механическое понимание природы – это способ описания реальности, что предсказание является достаточным доказательством существования реальности, что закономерность является критерием реальности, но также и то, что ньютоновская теория абсолютного пространства и абсолютного времени бессмысленна.

²⁴Следующие положения теории биологической эволюции можно считать основными. Все формы жизни имеют внутреннюю непрерывность и общее естественное происхождение, в конечном счете через спонтанное зарождение. Виды изменчивы. Новые виды происходят от более старых через трансформацию. К элиминирующим факторам относятся, в частности, неспособность адаптироваться к изменившимся условиям жизни, неспособность переносить тяготы и климатические изменения, более быстрое вырождение и неспособность к размножению. Целесообразное доказывает свое превосходство, между прочим, в самой своей выносливости, в том, что оно легче всего приспосабливается и легче всего передает свои свойства по наследству.

²⁵Историю науки можно разделить на догматический и скептический периоды. Когда даны ответы на вопросы, которые в течение определенной научной эпохи считались существенными, то кажется, что основная исследовательская работа была завершена. Общечеловеческая потребность в твердой и определенной основе мышления влечет за собой стремление к упрощению и систематизации, результатом чего является мировоззрение. В такие эпохи уже не модно быть скептиком и сомневаться в правильности системы. Тогда существует общее отвращение к новым гипотезам, которые могут нарушить ментальную структуру, созданную таким тяжелым трудом, отвращение, которое может найти такое радикальное выражение, что они отказываются от изучения таких фактов, которые не могут быть вписаны в систему.

²⁶Но мы постоянно видим, что появляются новые проблемы, что старые формулировки могут быть оспорены. Хорошо построенная система взрывается. Начинается новый период, одно из новых открытий в различных отраслях исследований. Все течет и снова кажется неопределенным. В такие периоды уже не модно быть догматиком и выражать самоуверенность мнения о гипотезах и теориях.

²⁷Раньше те, чье мышление было эмоциональным и кто нуждался в определенности, могли найти его в философской системе. Но с тех пор, как наука взяла на себя прежнюю задачу философии – объяснить данную реальность, – ее задачей стало построение систем. Мир полон верующих, которым пришлось довольствоваться неразумностью – за неимением чего-то лучшего. Даже для науки важно иметь систему, которая облегчает ориентацию и дает обзор. Неизбежно, что те, чье знание и сила понимания достаточны лишь для того, чтобы изучить систему, становятся догматическими верующими. Однако лучше быть догматиком в отношении разумной системы, чем неразумной или менее разумной. Возможно, было бы полезно указать на то, что все системы являются временными, являются обобщениями последних результатов исследований, а не конечными продуктами.

1.36 ИСТОРИЯ

¹История – это мнения историков о прошлом, о фактах и ходе событий. История как дисциплина должна быть способна дать нам опыт человечества в его универсальной применимости, идущей от частного к типичному и всеобщему. Она должна быть способна дать нам не только историю политических идей и систем, но и уроки, которые можно извлечь из этих вопросов.

²Случайное априори ненадежно, а частное, которое люди находят наиболее интересным, в основном принадлежит к области вымысла. Мнения и идеи являются индивидуально или коллективно субъективными, а не объективными. Когда психология в конце концов достигнет познания человеческой природы, науки о характере и исторического анализа, тогда история как формирова́тель легенд, вероятно, даст очень ценный материал для исследования.

³Если история не может придать своим данным такую всеобщую форму, чтобы мы могли учиться на этих опытах, чтобы мы могли быть избавлены от повторения одних и тех же опытов снова и снова, то история едва ли увеличивает наше осознание жизни и понимание жизни, но только удовлетворяет ту любознательность, которую лучше было бы назвать любопытством и которая в лучшем случае может дать литературному искусству его избранный материал.

⁴Только те исследования, которые необходимы для понимания настоящего, могут справедливо претендовать на включение в так называемое общее образование. Если история не может дать нам такого понимания, то она должна быть отнесена к числу специальных дисциплин. Совсем другое дело, что история необходима для научных

исследований. Но в таком случае произвольная смесь, называемая всеобщей историей, должна быть разделена на множество своих различных ветвей с четко очерченными границами между ними. Только тогда история выполнит свое предназначение для специалиста, которому необходимо знать все доступное познаваемое в своей особой области. И он способен лучше оценить ценность исторического изучения для своих нужд, критически просеять данный материал и взять именно то, что для него существенно.

1.37 Исторические факты

¹Гипотезы естествознания опираются на факты, и поэтому они всегда в некотором отношении реалистичны. Их слабая сторона – недостаток фактов. Ненадежность исторической истины зависит от массы ложных фактов и от невозможности их устранения.

²Факты можно разделить на реальные и предполагаемые факты, проверенные и непроверенные, проверяемые и непроверяемые, объективные и субъективные, а также объективно или субъективно составленные факты.

³Если бы мы могли сгруппировать факты в известные и неизвестные, то количество неизвестных фактов показало бы нам наше незнание прошлого – также того прошлого, которое, как мы полагаем, мы знаем лучше всего.

⁴Если бы мы могли судить о фактичности так называемых исторических фактов, то наше знание прошлого оказалось бы более воображаемым, чем кто-либо осмелился бы мечтать.

⁵История – это едва ли история правдивых свидетелей. Тот, кто испытал, как трудно установить истинные факты того или иного хода событий, когда все заинтересованные стороны стремятся достичь объективно правильного результата, понимает, что почти невозможно достичь того же самого, когда все заинтересованные стороны – как в основном обстоит дело в истории – стремятся приспособить факты, исправить события и исказить мотивы. Эта ненадежность очевидна для всех, кто в реальной жизни имел возможность изучить, как свидетели бессознательно реконструируют свои переживания в желаемую форму. Добавьте к этому то, что посвященные чаще всего молчат и что мнения непосвященных посторонних являются предположениями, что свидетельства сомнительных, предвзятых и некритичных свидетелей должны рассматриваться как неправдоподобные или ненадежные; тогда «вера» в исторические «факты» не будет большой.

⁶Как философ отличается своим критическим отношением к философии, так и историк характеризуется своим критическим отношением к истории. Более глубокая критика истории относится к так называемым историческим истинам с изрядной долей скептицизма и считает, что слова мудрости, «ничто не может быть так легко устроено, как факты», чтобы доказать все, что вы хотите доказать. Из всех видов так называемых фактов исторические факты – самые сомнительные. Принципиально в качестве фактов должны быть приняты только объективные факты, проверяемые со стороны потомства.

1.38 Исторические факторы

¹Исторический процесс, как и все процессы, является результатом действия большого числа факторов. Несмотря на все попытки прояснить эти факторы, все же можно без преувеличения сказать, что большинство факторов неизвестно и останется неизвестным. История может лишь в исключительных случаях установить, какие факторы внесли свой вклад и какие причины были решающими. Факторы, которые, как нам кажется, мы знаем, часто были ложными факторами. И эти последние производят впечатление скорее случайности, чем закономерности. Большинство причинных связей

слишком часто остается недоступным, несмотря на самые изощренные используемые методы. Причинность истории позволяет установить себя лишь случайно и исключительно.

²Судить относительную значимость устанавливаемых факторов в их взаимодействии, побочном действии, противодействии, и обратном действии, судить относительные эффекты всех различных социальных, политических, националистических, экономических, религиозных, психологических, личностно определенных и т. д. факторов, оказавшие влияние на образование государства, формирование общества или исторический процесс в каждом конкретном случае или вообще, чтобы правильно оценить все эти комбинации в их необозримой множественности; все это, вероятно, слишком часто было бы за пределами как изучения, так и суждения. Подчеркивать определенные факторы в ущерб всем остальным, как известным, так и неизвестным, – это более или менее произвольно.

³Распространенной ошибкой является смешение причинной связи и временной связи. Два хода событий, развивающегося сходным образом и идущего параллельно во времени, часто рассматриваются как причинно-следственные связи. Но многие ходы событий протекают параллельно, не имея ничего общего друг с другом. То, что они соприкасаются друг с другом, вовсе не обязательно подразумевает причинную связь. Если использовать медицинское сравнение: то, что больной выздоравливает, когда он принимает какое-то лекарство, не доказывает, что лекарство вызвало выздоровление. Только тогда, когда можно исключить или включить какой-либо фактор по усмотрению и безошибочно предсказать результат каждого конкретного эксперимента, только тогда установлено существование причинной связи.

⁴Ненадежность исторического изучения очевидна из постоянно пересматриваемых воззрений, вызываемых каждым тщательным переосмыслением областей исторического исследования; а также из новых и часто революционных исторических открытий, которые мы делаем всякий раз, когда появляются новые идеи, и эти доселе неизвестные факторы обнаруживаются и могут быть прослежены, как разноцветные нити в пестрой ткани истории.

1.39 Исторический способ рассмотрения

¹Исторический способ рассмотрения включает в себя, между прочим, исторические построения, исторические обоснования и исторические условия. Они появляются в основном в периоды дезориентации или консервативных усилий.

²Типичные исторические построения – это известные взгляды на историю, принятые Гегелем, Марксом и Шпенглером, среди прочих. Будучи образцами исторического строительства, они достаточно фантастически произвольны, чтобы служить предостерегающими примерами. Надо признать, что история как дисциплина почти приглашает или, во всяком случае, является благодарным полем для таких построений. При небольшой доброй воле история дает возможность реконструироваться по усмотрению и оставляет поле для почти безграничного числа способов рассмотрения. Историческая ретроспектива состоит не столько в приобретении знаний о ходах событий и причинно-следственных связях, сколько в произвольной рационализации. У нас нет необходимого критерия правильности любого исторического взгляда. Объективное суждение возможно только в исключительных случаях. Та историческая целесообразность, которую многие люди думают, что могут проследить, часто остается недоказуемым личным предположением. В целом история показывает лишь результаты того невежества, которое все века называли знанием.

³Типичные исторические обоснования – это, в частности, попытки обосновать общественные, государственные или экономические права на основе их существования

в прошлые исторические эпохи. Дело в том, что историческое обоснование, например, человеческого права и прав человека предполагает возвращение к варварским, бесчеловечным, давно преодоленным взглядам. Однако это касается фанатика исторических обоснований лишь в малой степени. Он произвольно исходит от исторического наследия как от неизбежного, как от некоего неискоренимого первородного греха, единственно истинной, единственно возможной реальной основы и нормы правового воззрения. Ему кажется невозможным постигнуть, что право человека стоит гораздо выше романского права, германского права или других более или менее бесчеловечных воззрений. Он не может осознать, что право человека все еще ждет своего осуществления. У нас есть цивилизация, но нет культуры. Ибо неоспоримым доказательством культуры является то, что человек рассматривается и к нему относятся как к Человеку, что означает: превосходящий любую другую ценность.

⁴Делая исторически обоснованное или исторически обусловленное своего рода нормой, они лишили исторически случайное его случайности, придали исторически случайному значение, которым оно не обладает, значение в действительности, далеко выходящее за пределы его разумно обоснованного значения, сделали исторически случайное чем-то всеобщим, неизбежным и необходимым. Мы делаем исторический ход событий чем-то абсолютным, если придаем ему видимость необходимого процесса, неизбежности, «более глубокого смысла» философской глубины. Такой исторический способ рассмотрения делает нас зависимым от устаревших взглядов, которые сковывают мысль с рассуждениями, когда-то сформулированными и когда-то, возможно, оправданными, но уже давно преодоленными. То, что какое-то время в конкретных случаях способствовало данному результату или какому-то определенному воззрению, переоценивается и ему придается чрезмерное значение, если его историческая случайность становится основой постоянно сохраняемого взгляда на реальность.

⁵Исторический способ рассмотрения, который неизбежно становится догматическим, полагает, что традиция представляет собой нечто жизнеспособное, как если бы традиция была продуктом жизненного опыта и жизненного осознания, продуктом разумного процесса. Но исторический ход событий в своем индивидуальном становлении не является разумным процессом. Это скорее игра случайностей, продукт раньше жизнеспособных, а позже нежизнеспособных факторов; с большой примесью неоправданных отдельных интересов, невежества и произвола. Историки такого рода считают все историческое вполне обоснованным, каким бы неразумным оно ни было.

⁶Исторически обусловленное по существу неразумно и поэтому не может быть положено в основу разума или использовано в качестве метода рассмотрения. Такой метод свидетельствует о беспомощности и ментальной дезориентации невежества и равнозначен объявлению собственного разума банкротом.

1.40 Культура истории

¹Ничто не ново, говорит философ, и совершенно справедливо. Все новое, говорит знаток. Подобно тому, как природа повторяется во всеобщем, но никогда в особом, так и различные культуры являются подобными повторениями с индивидуальными формами.

²То, что является индивидуальным в предыдущих культурах, составляет их своеобразие и не может стать новой культурой, будучи подражаемым или копируемым.

³Жить в прошлом, превратиться в музей бесполезных реликвий, унаследованных от всех прошлых эпох, сопряжено с определенным риском. Не все имеет жизненную ценность только потому, что когда-то существовало. Не все устаревшие взгляды важны потому, что когда-то они представляли собой настоящий интерес. Почти все можно сделать объектом «научного исследования», как только пройдет достаточно времени,

чтобы оно стало «историческим». Ни одна из предшествующих культур не считала человека Человеком. Называть соответствующие исследования гуманистическими в собственном смысле этого слова безусловно неверно. Мы переоцениваем то, что когда-то было, и не рассматриваем вопрос, была ли его смерть доказательством его жизнеспособности. Не все, что унаследовано от наших отцов, является образцовым. Никакая новая культура не создается путем сохранения обветшалого.

⁴Традиция и классицизм также могут иметь мешающий эффект. Они могут оказывать столь сильное влияние, что все новое становится подозрительным априори, если оно не обусловлено исторически, и что только то, что мертво и включено в историю, оказывается действительным и имеет жизненную ценность.

⁵Мы реконструируем прошлое и заполняем зияющие пробелы фикциями. Они часто имеют фантастические размеры и никогда не имели никакой реальности, но нарушают наше чувство меры и затемняют наш взгляд на настоящее; и нам стоит тяжелого и ненужного труда когда-либо избавиться от таких фикций. Ошибочное мнение, распространенное в наше время, в значительной степени является историческим наследием. История слишком часто становилась задней дверью, через которую фикции, счастливо опровергнутые, проскальзывают внутрь, чтобы снова преследовать нас. Если будет вестись постоянная борьба с заблуждениями и суевериями прошлого, то, может быть, в конце концов придется избавить хотя бы «общее образование» от этой бесполезной роскоши. Если бы мы обладали истинным знанием, то история принесла бы нам пользу, сохранив это знание для будущих поколений. Но пока мы пользуемся главным образом гипотезами и фикциями, история оказывает нам главным образом медвежью услугу в сохранении этих фикций. Если бы история идей называлась тем, что она есть, – историей «суеверий» –, то интерес к ней значительно уменьшился бы. Наша нынешняя культура – это, по существу, история культуры и культура истории. Наша культура в слишком большой мере состоит в воспроизводстве. У первобытных людей нет самостоятельных мнений, и их мышление состоит в попытке постигнуть то, что имеют в виду другие, чтобы подражать им. Представляя «культурные нации», мы должны были бы пройти эту стадию, как и ту, на которой мы должны тщательно изучать то, о чем древние говорили, что они верят. Знание того, что люди во все века верили, что знают, не оставляет большого места для истинного знания. Попугайничать – не самостоятельное мышление.

⁶Если мы хотим создать свою собственную культуру – и у нас есть предпосылки, – то необходимо историческое ограничение. Мы можем утонуть в истории. То, что не дает более глубокого жизнепонимания и жизнеспособности, имеет свое место в различных архивах специальных исследований. То, что мы еще не смогли усвоить из давно прошедшего, как для собственной культуры, так и для нужд господина среднего, является частью субъективистского упоения несущественным и имеет слишком малое значение для целого. Культура – это собственная культура, самостоятельность и самотворчество, а не подражание и попуайство. Историческая культура – поклонение мертвым культурам – не создает никакой новой культуры.

Приведенный выше текст представляет собой эссе «Экзотерическое миро- и жизневоззрение» Генри Т. Лоренси. Эссе представляет собой первый раздел книги Генри Т. Лоренси «Философский камень». Copyright © 2020 от издательства Henry T. Laurency Publishing Foundation. Все права защищены.

Последние исправления внесены 29 июня 2020 г.